

The poster features a woman with long brown hair and a pearl necklace on the left, and a man in a dark jacket on the right. Both are holding handguns. The background is a dark, textured wall. The title 'КОЛЫЧЕВ' is in large white letters, and 'УБИЙЦА С МАНИКЮРОМ' is in large red letters at the bottom. A yellow banner with red text and a small bird icon separates the two title sections.

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

УБИЙЦА

С МАНИКЮРОМ

Колычев. Мастер криминальной интриги

Владимир Колычев

Убийца с маникюром

«ЭКСМО»

2013

Колычев В. Г.

Убийца с маникюром / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2013 — (Колычев. Мастер криминальной интриги)

В Москве совершена серия загадочных убийств, причем настолько неожиданных и жестоких, что в растерянности пребывают даже бывалые сотрудники полиции. Кто мог совершить эти преступления? И, главное, зачем? Дело поручают майору Артему Козыреву. Он начинает расследование и очень скоро приходит к выводу, что страшные убийства совершены... женщиной. Но сюрпризы на этом не заканчиваются. В ходе следствия под подозрение попадают две молодые девушки, одна из которых – любовница Козырева...

© Колычев В. Г., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Владимир Колычев

Убийца с маникюром

Глава 1

Легко ли сунуть руку в ящик с гадюками? Вроде бы и не опасно: укус не самый болезненный, а яд не такой уж и страшный, если вовремя оказать медицинскую помощь – один укол, и все. Теоретически все просто, но ментальный страх перед змеями отпугивает неподготовленного человека. То ли дело профессиональный змеелов – он и руку в такой ящик сунет, и укусить себя не позволит, еще и гадюку возьмет, что называется, за горло. Специалист в таких случаях действует быстро, но спокойно, без суеты.

В обращении со змеями нельзя выказывать агрессию. Свои намерения можно выдавать, когда гадюка уже беспомощно бьется в крепко сжатой руке. И все же змея может оказаться чересчур агрессивной, такую не всегда возьмешь хитростью, поэтому неплохо бы позаботиться о страховке, надеть на руку перчатку из тонкой, но непроницаемой для зубов ткани.

Майор Козырев знал толк в общении с хищниками, умел охотиться на двуногих гадов, да и волкодав из него вроде бы ничего. Два года отслужил в спецназе МВД, еще столько же заняла школа милиции, четырнадцать лет отпахал в уголовном розыске – столько всего на своем веку повидал, что ни черт не страшен, ни дьявол.

Ему не впервой задерживать преступников, и сейчас он готов был сунуть руку в клетку с ядовитыми змеями. И все-таки надо бояться. Правильно бояться – без паники, без дрожи в коленках. Правильный страх выделяет адреналин дозированными порциями, поэтому кровь бурлит, а сознание при этом ясное. Рефлексы работают исправно, интуиция остро заточена, реакция быстрая, и, главное, твердая рука четко синхронизирована с мыслительным центром...

Убийство произошло позавчера вечером, преступник практически не оставил следов, и вряд ли он ожидает ареста так скоро. Да и не факт, что за дверью убийца, возможно, это всего лишь человек, который случайно оказался не в то время не в том месте. Именно поэтому Козырев не вызывал группу захвата, а действовал сам. Он не боялся действовать в одиночку, напротив, ему нравилась такая ситуация, когда он, как охотник, оказывался один на один с выслеживаемым хищником. Именно такая ситуация и нравилась. Майор терпеть не мог, когда его самого загоняли в угол, а такое, увы, иногда случалось.

Хотя вряд ли он шел по следу случайного человека. В две тысячи втором году Игорь Горбатов был осужден за ограбление, тогда он выследил прохожего, имевшего неосторожность «засветить» на людях сотовый телефон, настиг его в темной подворотне, избил и отобрал мобильник. Получил три года, отсидел и за пять последующих лет больше не привлекался. Или завязал, или просто ни разу не «засветился». Скорее всего, последнее...

В принципе, Артем должен был привлечь к делу группу захвата, но это только время терять, да и нервы хотелось пощекотать. К тому же он действовал не совсем в одиночку, с ним был старший лейтенант Карпов, стрелять Виталий умеет, если что, поддержит огнем и маневром.

В кармане у Козырева нашелся кусочек пластмассы, которую можно было использовать в качестве дымовой шашки. Надо всего лишь обмотать его бумагой, поджечь, затушить и сунуть под дверь квартиры. Дым не смертельный, но едкий, вонючий и пугающий. Неудивительно, что спустя две минуты дверь открылась. Видно, хозяин квартиры решил, что на лестничной площадке возник пожар. А когда случается пожар, каждый спасается, как может.

– Спасите, горим! – изображая панический ужас, крикнул Козырев и бросился на хозяина квартиры.

Судя по событиям последних дней, Горбатов умел драться, а это был именно он. Артем знал, какую опасность представляет противник, поэтому прижался к нему так, что заблокировал руки, ноги, голову. Только тогда произвел силовой захват и опрокинул парня на пол, да так, что тот больно стукнулся головой.

Карпов не зевал – он ворвался в квартиру вслед за своим старшим товарищем и взял под контроль единственную комнату.

– Спокойно, красивая! Так и сиди! – услышал Артем его строгий, но с увещающими нотками голос.

Старший лейтенант оставил комнату без присмотра, заглянул на кухню и, никого там не обнаружив, открыл дверь в туалет. Артем тем временем скрутил Горбатова, защелкнул у него за спиной наручники. Парень сопротивлялся, силы у него в руках много, но у Артема опыт и сноровка, к тому же он сам по себе не слабого десятка.

Козырев питал страсть к русским женщинам, немецким автомобилям и французскому коньяку. Но гостя Горбатова заинтересовала его не только потому, что Карпов назвал ее красивой. Хотелось поскорее взглянуть на нее, поэтому с задержанным он справился быстрее обычного. Но ему не пришлось заходить в комнату, чтобы утолить свое любопытство: женщина появилась сама. Она вышла на середину комнаты, откуда просматривался коридор, и смотрела на Козырева, а майор – на нее.

– Тебе же сказали, сидеть и не двигаться, – строго проговорил он.

Гостя действительно красивая. Плюс к тому, еще и роскошная. И сексапильная. Волосы у нее светлые, густые, сильные, они облевали голову элегантно пышным шаром, заканчиваясь на шее. Такая прическа показалась бы смешной, если бы лицо было круглым или квадратным, но оно было вытянутым, с высокими скулами и изящно закругленным подбородком. Черты лица правильные, нос прямой, слегка расширяющийся книзу... Ей бы глаза побольше и поглубже, губки бы покрупней и посочней, тогда бы она могла показаться редкой красавицей. И еще девушку слегка портили припудренные шрамики – над правой бровью, на переносице, под нижней губой. Впрочем, если бы Козырев не обладал профессионально цепким взглядом, он мог бы и не разглядеть эти внешние изъяны, настолько они были незначительными.

Профессиональный взгляд майора сразу определил статус этой красотки. Красивая она, ухоженная, черты лица вроде бы мягкие, но есть в ней какая-то обретенная или просто напускная грубость. Одежда вроде бы модная – стильный красный жакет, приталенное серое с блестками платье, в котором запросто можно было бы блистать в дорогом ночном клубе. Но оно короткое, это шелковое платье, и верхний вырез чересчур смелый, вдобавок колготки в мелкую сеточку призывно блестят. И еще Артем не мог не обратить внимания на лакированные сапоги на высоком тонком каблуке. Красные сапоги, в тон жакету... Хорошо она одета, но слишком уж смело. К тому же при модной одежде на ней была дешевая бижутерия, причем с явным перебором по количеству, и это усиливало градус ее вульгарности. Ноги у девушки тонкие, стройные, длинные и грудь высокая, полная. Артему нравилось такое сочетание. Впрочем, ему в этой девушке нравилось все. Кроме ее профессии.

Судя по показаниям жены покойного, Горбатов «поднял» вчера неплохие деньги – что-то около сорока тысяч рублей наличностью, не считая швейцарских часов и айфона. Поэтому, празднуя свой успех, он запросто мог позволить себе элитную проститутку.

– А кто сказал? – Голос у девушки был низковатый, но звонкий, звучный.

Она, конечно, догадывалась, с кем имеет дело. У проституток особый нюх на ментов, к тому же на полу в прихожей лежал Горбатов с наручниками на запястьях. Да и Карпов «светил» здесь своим табельным пистолетом.

– Майор Козырев, уголовный розыск.

Виталий уже стоял у него за спиной, ждал распоряжений. Не оборачиваясь, Артем показал на него пальцем, которым тут же ткнул в лежащего на полу Горбатова – мол, присмотри за ним.

– А я с кем имею дело?

– Агния меня зовут.

– А по паспорту?

– Что значит, по паспорту?

– Документы покажи.

– Нет у меня документов.

– Дождь на улице, грязь, а ты не из тех девушек, которых привозят с эскортом.

– Что-то я вас не понимаю, майор. – Девушка смотрела на Козырева так, будто он спросил у нее, сколько стоит килограмм жареного пуха, если третий день недели – пятница.

– Сапоги у тебя чистые, значит, на машине ты. А если на машине... Водительские права есть?

– А-а, права... А по какому, собственно, праву?

– По водительскому.

Артем обвел красноречивым взглядом журнальный столик. Шампанское на нем, виски, фрукты, колбасная нарезка, сырные канапе, грубо наструганные бутербродики с красной и еще не заветренной икрой. Закуска почти не тронута, бутылки почти полные, значит, застолье только-только началось.

– Да я почти не пила. И за руль не собираюсь. Утром домой поеду.

– Утром и поедешь, – кивнул Козырев. – Ночь в изоляторе проведешь, а потом и поедешь.

– В изоляторе? В каком изоляторе?

– Изолятор для временно задержанных. В простонародье – «обезьянник». Думаю, тебе это знакомо.

– С чего вы взяли, что знакомо? – возмутилась девушка. – И почему в изолятор? Что я такого сделала?

– Занятие проституцией – деяние наказуемое. В административном порядке.

– Я?! Проститутка?!

– А кто ты? Что здесь делаешь?

– Я?! К Игорю зашла...

– Зачем?

– Ну, просто...

– Удачный скок обмываете?

– Удачный, простите, что?

– Удачное ограбление. С летальным исходом... Слышишь, Горбатов, ты не просто ограбил человека, ты его еще и убил.

Гражданин Симонян поставил машину в гараж, возвращался домой, путь его пролегал через безлюдное в темную пору место, там его и подкараулил Горбатов. Он зашел к жертве сзади, ударил его по затылку обрезком трубы, проломил череп и убил. Симонян был уже мертв, когда с него снимали часы. И портмоне с деньгами и документами Горбатов тоже забрал.

На месте преступления был обнаружен след от каблука с оригинальным узором. Само по себе это не могло быть зацепкой, но точно такой же след майор Козырев увидел возле магазина, что находился неподалеку.

К магазину вела широкая тротуарная дорожка, и Горбатов не мог оставить там отпечаток каблука. Но ему не повезло – у входных дверей пришлось резко сдать в сторону, потому что на него стремительно надвигался выходящий из магазина мужчина. Пьяного покупателя тянуло на приключения, поэтому он и пер на людей, как обезумевший от злости бык. И, чтобы избежать столкновения с ним, Горбатов отскочил в сторону, при этом сошел с дорожки, а каблук

впечатался в сырую землю. Ему бы сдержаться, но нет, он набросился на мужика с кулаками, сбил его с ног, а затем обратился в бегство.

Все это узнал Козырев, когда стал выяснять обстоятельства, узнал и про драку, которая произошла в час убийства, нашел потерпевшего, допросил его. Образ обидчика намертво врезался в пьяное сознание потерпевшего и не выветрился из него вместе с алкогольными парами, поэтому с фотороботом проблем не возникло. А дальше – дело техники. Горбатов привлекался, поэтому все данные на него имелись в картотеке. Артем действовал быстро, но без суеты. Он вышел на сестру Горбатова, поговорил с ней, выяснил, где живет ее брат. Сейчас Горбатова находилась под наблюдением, чтобы ей не взбрело в голову предупредить брата об опасности. Артем предпринял все меры предосторожности, к тому же действовал быстро, без проволочек, поэтому Горбатов у него в руках.

– Я не понимаю, о чем разговор! – возмущенно протянул парень.

– Сколько у тебя судимостей, Горбатов?

– Одна, а что? А-а, понятно, начальник! Глухаря на меня повесить хотите! Знаю я эти ваши штучки! У вас ничего не выйдет!

– Ну да, ну да...

Артем вернул Агнию на диван, задержанного усадил в кресло, а сам обследовал обувной ящик. Он искал туфли со знакомым каблуком, но тщетно, ничего такого не было. Кроссовки нашел, ботинки, но там совсем другой протектор. Плохо. Не так-то просто будет доказать причастность Горбатова к убийству. Вот если часы найти да сотовый телефон покойного, тогда все вопросы будут сняты...

– Откуда деньги на банкет, Горбатов? – спросил Артем.

Квартира у него однокомнатная, отделка и обстановка так себе, полы такие грязные, что вопрос, разуваться или нет, даже не возникал.

– Как откуда? Работаю я.

– Да ну! И где?

– Ну, консультантом работаю, в салоне сотовой связи.

Именно об этом говорила и сестра Горбатова, а вряд ли они согласовывали между собой, что нужно говорить на допросе.

– Давно?

– Ну, как судимость сняли...

– Значит, телефоны продаешь?

– Ну да.

– И как нынче айфоны продаются?

– Хорошо продаются.

– И ворованные тоже?

– И ворованные, и прошитые – все продается. Только не через меня. Я такими делами не занимаюсь.

– А свой айфон есть?

– А зачем козе баян, если она и так веселая?

Артем, пристально наблюдая за Горбатовым, видел что-то похожее на ликование в его глазах. Казалось, он хорошо понимал, о чем разговор, и при этом знал, что улики против него в квартире нет. Если он избавился от обуви, то и телефона с часами у него здесь нет. Квартиру, конечно, обыщут, только вряд ли здесь обнаружится что-то интересное.

– Деньги где? – спросил Козырев.

Следователь пытался установить номера похищенных купюр, но так ничего и не сумел выяснить. А купюры могли быть новыми, с глянцевым хрустом, на таких бумажках очень хорошо остаются отпечатки пальцев. Вдруг на деньгах Горбатова окажутся «пальчики» Симо-

няня? Вероятность этого ничтожная, но Артем привык хвататься за любую зацепку, которая хотя бы гипотетически могла привести к успеху.

– Какие деньги?

– А какими ты с Агнией собирался расплатиться... Или деньги вперед? – Козырев косо глянул на девушку.

– Вам же сказано, что я не проститутка! – возмутилась она.

– А кто тогда? Соучастница преступления? – Взгляд у Артема тяжелый, вжимающий, далеко не всякий способен выдержать его.

– Какого преступления? – Агния смутилась, но глаза в сторону не отвела.

Понимает она, что попала в неприятную ситуацию и чем это может для нее обернуться, поэтому нервничает. Но не паникует, поскольку не чувствует за собой никакой вины.

– Я же сказал, гражданин Горбатов убил человека. Убил и ограбил. Забрал у него документы, деньги, сотовый телефон и наручные часы. Документы он выбросил, а деньги, телефон и наручные часы оставил себе. Вот я и думаю, что кое-что из всего этого может оказаться у вас. Если вы проститутка, Агния, то он расплатился с вами деньгами. Если подруга, он мог сделать вам подарок... – не мигая, смотрел на нее Козырев. – Что там у вас в сумочке?

– Ничего такого!

Красная сумочка лежала здесь же, на диване. Видно, Агния не доверяла Горбатову, поэтому держала ее при себе.

Сначала она отодвинула в сторону тарелки, освободив часть стола, затем широко раскрыла сумочку, перевернула ее вверх дном и выгрузила из нее все содержимое. Кожаное портмоне, паспорт, кошелек, косметичка, ключи от машины, мобильный телефон, гигиенические салфетки в упаковке, носовой платок, газовый баллончик. Обычно в женской сумочке хранится всякая всячина вроде чеков за отпущенный товар, шпилек, брошек, таблеток, жвачки, но ничего такого у Агнии не имелось. Если были чеки, то они лежали в кошельке, а не валялись на дне сумки. Можно сказать, сумка образцового содержания.

– Ну, что скажете, майор? – с усмешкой спросила она.

Телефон Артем даже смотреть не стал. Не айфон это, сразу видно. Зато Агния взяла мобильник. Простой у нее телефон, с кнопочной клавиатурой, но не дешевый. И камера, похоже, работает в режиме видео. Об этом он подумал, когда девушка навела глазок этой камеры на свои вещи. Сейчас запишет, как сотрудник полиции роется в ее бумажниках, а потом выложит в Сеть под вывеской «Менты – козлы». И отмывайся после этого...

– А скажу, что телефон у вас, гражданочка, подозрительный.

Артем забрал у нее мобильник, бросил его Карпову, тот знает, что нужно делать. Свежую запись стереть не трудно.

– Это мой телефон, у меня и документы на него есть.

– Вы мне лучше свои документы предъявите...

Козырев взял со стола паспорт, открыл его. Костюшина Агния Петровна, восемьдесят седьмого года, место рождения – город Троицк Московской области, прописана там же, улица, номер дома... С документами все в порядке. И статус вроде бы не позорный.

– Агния, вы Горбатова давно знаете? – спросил Артем.

– А кто это такой? Шучу, шучу... – натянуто улыбнулась она. – Но если бы вы Игоря по фамилии не назвали, я бы не знала, что он Горбатов. Мы с ним сегодня утром познакомились...

– Точно? – внимательно посмотрел на нее Козырев.

– Точно, – не моргнув глазом, ответила она.

И так это у нее убедительно вышло, что Артем ей не поверил.

– Ну, пошли!

Он всего лишь протянул к ней руку, но Агния поморщилась так, будто он больно схватил ее.

– Куда?

– На кухню. Кофейку попьем... Ну!

Агния не хотела с ним никуда идти, но подчинилась, казалось, против своей воли.

Артем провел ее на маленькую кухню, показал, где сесть, закрыл за собой стеклянную дверь.

– И что дальше? – спросила она с тревогой, но вместе с тем и с интересом. – Если ты думаешь, что я проститутка, то лучше не пробуй...

– Ты, Агния, не проститутка. Ты познакомилась с Горбатовым сегодня утром. – Козырев проговорил эти слова медленно, монотонно, как будто пытался загипнотизировать жертву. И вдруг спросил резкой скороговоркой: – Где ты с ним познакомилась? Каким образом?

– Как где? В Москве...

– Понятно, что не на Марсе. Улица, площадь, клуб, ресторан, что там?

– Ну, кто в клубе по утрам знакомится?

– Не увиливай от ответа.

– Какая разница, где мы с ним познакомились? Познакомились, и все... – Похоже, Агния поняла, что Артем уединился с ней неспроста.

Он собирался получить у нее ответы на вопросы, которые потом будут заданы Горбатову. Если Агния врет, то ее легко можно будет поймать на противоречиях.

– Значит, не сегодня познакомились?

– Ну, не сегодня...

– А почему сказала, что сегодня? Не хочешь, чтобы тебе соучастие в преступлении пришили?

– Он что, действительно человека убил?

– А ты не знаешь?

– Нет.

Агния держалась неплохо, и взгляд ее не дрогнул, хотя Козырев видел, что она лжет.

– А мне кажется, что знаешь.

– Ничего я не знаю!

Агния, похоже, поняла, что ее раскусили, поэтому перешла в глухую защиту, когда уже все равно, верят тебе или нет.

– А мне кажется, что ты можешь рассказать мне очень много интересного.

– Расскажу. Но только в присутствии своего адвоката.

– У тебя есть свой адвокат?

– Будет. А пока я отказываюсь отвечать на ваши вопросы, – официальным тоном произнесла она, напористо глядя Козыреву в глаза.

– Твое право молчать, – непринужденно усмехнулся Артем. – А мое право доставить тебя в отдел как соучастницу преступления.

– Что за бред?

– Вот и докажи, что это бред. Развей мои сомнения.

– Какая разница, когда я познакомилась с Игорем?

– Разница в том, что ты пытаешься меня обмануть!

– Я не обманываю вас. Просто есть обстоятельства, которые мне как приличной девушке не хотелось бы вспоминать...

– Слишком короткое у тебя платье для приличной девушки.

– А вот это не ваше дело! – вспылила она.

– Мое!

– Я отказываюсь отвечать на ваши дурацкие вопросы!

– Где ты живешь? По месту прописки или как?

– Какая разница, где я живу? – разволновалась Агния.

- Вдруг у тебя дома хранятся краденые вещи?
- Что вы такое говорите? – сошла с лица девушка.
- Я говорю то, что может быть на самом деле, – отчеканил Козырев.
- Нет у меня ничего краденого...
- Где вы живете, Агния?
- Ну, зачем вам это? Говорю же, нет у меня ничего...
- Адрес?
- Ну, хорошо, сейчас мы поедem ко мне, и вы, майор, обыщете мой дом. И меня можете обыскать...

Кокетство – сильное оружие в арсенале красивой женщины. Оно может сработать даже тогда, когда в нем фальши, как воды в стволе утонувшей пушки. Майор Козырев был неисправимым бабником и мог бы воспользоваться случаем. Но только не сейчас. Само поведение Агнии подсказывало ему, что в квартире у нее находится ключ к раскрытию преступления. Поэтому он поедет к ней, но не один и не сейчас...

Глава 2

Закон капитализма жесток и беспощаден – простому смертному нечего предложить, кроме своего труда. И он его предлагает, превращаясь из полноправного гражданина своей страны в объект эксплуатации. Обидно, но что делать, если деньги нужны?

Кира Родичева училась в колледже и знала, что такое наемный труд, как складываются производственные отношения между капиталистом и наемным работником. С этим все понятно – один работает, другой присваивает часть продуктов труда. Но как быть, если наемный работник страдает не от капиталиста, а от такого же объекта эксплуатации, только рангом повыше?

Первые две недели ничего такого не было. Девушка она смышленная, трудолюбивая, поэтому быстро втянулась в работу. Салон электроники и бытовой техники занимал помещение площадью никак не меньше тысячи квадратных метров – весь день на ногах, туда-сюда, в общем, до вечера можешь и не дотянуть, если со здоровьем плохо. В свое время Кира получила травму колена, но после лечения та давала о себе знать только при серьезных нагрузках, а здесь Кира ее даже не замечала. В общем, не так уж все и плохо.

Работа Кире в целом нравилась, зарплата, в принципе, немаленькая, дом к тому же рядом. Казалось бы, работай-живи-радуйся, но нет, с третьей недели начались проблемы. К ней вдруг проявил интерес заместитель директора по работе с персоналом. Это был средних лет мужчина с масляными глазками. Шея у него тонкая, плечи узкие, зато голова крупная, бока жирные, широкие, задница толстая. На волосатом пальце красовалось обручальное кольцо, Кире даже показалось, будто он нарочно выставляет его напоказ, дескать, он человек женатый, поэтому в его претензиях нет ничего личного, только бизнес и ничего, кроме бизнеса. Она бы и поверила, если бы не эти похотливые масляные глазки.

– Ну, что мне с тобой делать, Родичева? Всего три недели работаешь, а уже четыре опоздания, два замечания от клиентов, а вчера еще и пылесос дорогостоящий уронила...

– Я случайно. И несильно.

– Да, но техника вышла из строя.

Коробка с пылесосом выскользнула у нее из рук, когда она ставила ее на нижний стеллаж в выставочном зале. Товар она уронила с низкой высоты, там даже удара как такового не было.

– Быть такого не может.

Не мог сломаться пылесос от такого удара. Кира настолько была в том уверена, что даже не стала проверять, работает техника или нет. А кое-кто проверил. Даже, скорее всего, подменил товар. Пылесос не работает, и в этом виноват сотрудник, который его уронил.

– Но ведь было. И есть. А пылесос двадцать две тысячи рублей стоит. Придется из зарплаты вычитать. Из того, что осталось, – каверзно усмехнулся Савелий Макарович. – Если осталось...

Кира опоздала всего один раз, и то на каких-то две минуты, но Лукьянов раздул из этой мухи целого слона. И штраф наложил, и еще три чьих-то опоздания приписал, и жалобы клиентов непонятно откуда взялись. Не было у нее эксцессов с покупателями, но с Лукьяновым спорить бесполезно.

– Хотите сказать, что я бесплатно все это время работала? – возмутилась она.

– Ну, в общем, да. И еще должна. С учетом всех штрафов придется бесплатно отработать две недели в счет следующего месяца. Но где гарантия, что за это время с тобой ничего не случится?

– Я буду жаловаться.

– Кому?

– Не знаю... В инспекцию по охране труда...

– А для инспекции у меня все есть, – Лукьянов потряс рабочей тетрадью в кожаном переплете. – Тут все записано!

– Фикция там записана. Я всего лишь один раз опоздала.

– Четыре! Четыре раза ты, Родичева, опоздала... Но я, в общем-то, готов все забыть. И штрафы с тебя снять. И про пылесос забыть, как будто ничего не было.

Савелий Макарович плотоядно улыбался и раздевал девушку глазами. Глядя на него, нетрудно понять, чем можно заслужить прощение... Впрочем, Кира уже догадывалась, почему Вика Соколова и опаздывает чуть ли не каждый день, и уходит с работы пораньше, а на зарплате это никак не отражается. Девчонки шептались, что Вика с Лукьяновым дружит. Кто-то домами дружит, а кто-то телами...

– И что мне для этого нужно сделать?

– Ну-у...

Лукьянов ничего конкретного не сказал, но выразил все свои пожелания мимикой лица.

– Что, прямо сейчас?

Девочкой Кира давно уже не была. С невинностью она рассталась еще в шестнадцать лет, на спортивных сборах, где их женская команда тренировалась совместно с мужской. Был там один паренек... В семнадцать лет закрутила куда более серьезный роман, жила с парнем почти полгода. Сейчас она одна – свободная и холостая, но это вовсе не значит, что ей можно раздвигать ноги перед кем ни попадя. Секс – вещь занятная и захватывающая, но Кира не из тех, кто ложится с каждым.

– Ну, я хоть и не священник, но для покаяния свободен в любое время, – гаденько улыбнулся Савелий Макарович. – В течение рабочего дня.

– Я подумаю.

Влепить бы ему пощечину, да так, чтобы зубы потрескались, но Кира сдержалась. Таких мерзавцев, как Лукьянов, на свете много, на всех пощечин не напасешься.

А думать она не будет, решение уже принято. Сейчас она отправится домой, а завтра начнет искать новую работу... Обидно, конечно, что три недели коту под хвост, но ничего, она это как-нибудь переживет. Ведь пережила же травму колена, которая поставила крест на ее спортивной карьере.

Из кабинета Кира выскочила как ошпаренная, словно из какого-то вертепа на свободу вырвалась, и в тамбуре вдруг столкнулась с каким-то парнем, державшим в руках ноутбук. Компьютер с треском упал на пол.

– Ой! – испуганно вжалась она в угол.

На шум из кабинета вышел Лукьянов. Он сразу понял, что произошло, и злорадно уставился на Киру:

– Родичева, опять ты?

– Это я сам, Савелий Макарович! Родичева не виновата!

Парень проявил благородство, и Кира поняла, почему он решил взять вину на себя.

Она заметила Глеба сразу, как только появилась здесь. Заметила без особого к нему интереса, а вот он запал на нее. Кира считала себя красивой девушкой, и, как ей казалось, не без основания, но при этом она отдавала себе отчет, что корона «Мисс салон-2010» принадлежит не ей. Увы, были в салоне девушки красивее, чем она, – две или даже три. И не она в том виновата, просто развратный Лукьянов нанимал на работу только симпатичных девушек. Зарплата здесь хорошая, поэтому от желающих занять вакансии отбоя не было.

В общем, хороших сотрудников в салоне хватало, но Глеб запал именно на Киру. Ни на кого он так не смотрел, как на нее. Смотрел издали, но близко не подходил. Несимпатичный он внешне парень – чересчур мелкие и жесткие завитушки рыжеватых волос на голове, неправильные черты лица, крупный нос, полные бесформенные губы, к тому же рябой. Парни с такой внешностью вниманием женщин, как правило, не избалованы, поэтому они робкие,

стеснительные, и некоторые пытаются преодолеть свои комплексы, усиленно занимаясь бодибилдингом. Глеб как раз из тех, кто не сдавался на милость покуражившейся над ним природы. Плечи у него широкие, руки накачанные, под майкой угадываются мышцы живота, ноги – короткие, кривые, но сильные...

– Да нет, виновата! А ты, парень, я смотрю, в Ромео решил поиграть! – набросился на него Лукьянов.

– Не надо в Ромео играть, – с благодарностью глядя на Глеба, покачала головой Кира, – а то еще насчитают тысяч тридцать. Я все равно увольняюсь... Это я ноутбук разбила.

– Ты, Родичева, разбила. Тебе и отвечать, – хищно смотрел на нее Лукьянов. – И пока не ответишь, никто тебя не уволит...

– Я сама увольняюсь. Сейчас уйду домой и не приду. Что ты мне сделаешь?

– В суд на тебя подадим, Родичева. И суд взыщет с тебя все до копейки! – Лукьянов смотрел на нее, открыв от возмущения рот. У него и в голове не укладывалось, что какая-то сотрудница посмела обращаться к нему грубо и на «ты».

– В суд подашь? После того, как домогался меня в кабинете?

– Я домогался?! У тебя есть доказательства?

– Савелий Макарович, это правда? – нахмурился Глеб.

– Что правда? – недоуменно вытаращился на него тот.

– Ну, ходят слухи, что вы злоупотребляете своим положением...

– Ходят слухи?! Ты кто такой, чтобы я перед тобой отчитывался?

– Никому не дано право злоупотреблять своим положением... – покачал головой Глеб.

– Так, значит, это ты разбил компьютер? – перебил его Лукьянов. – Что ж, ты уволен!

– А что, ты мужчинами не интересуешься? – съязвила Кира. – Мне так пылесос отработать предложил, а Глеба за компьютер увольняешь. А не буду я у тебя пылесосом работать, понял? Я тебя самого по судам затаскаю!

– И ты уволена! Все уволены! – противно взвизгнул Савелий Макарович и скрылся в своем кабинете, громко захлопнув за собой дверь.

– Ну вот, начал свою карьеру с увольнения, – как-то не очень расстроено взглянул на Киру Глеб.

– Да? Тогда будешь моим товарищем по несчастью, – покровительственно улыбнулась она.

– Я согласен! Есть предложение отметить событие! – обрадовался он.

– Печальное событие... – вздохнула Кира.

– Ничего, бывает и хуже. А если это событие отметить, то оно может оказаться не таким уж и плохим, как кажется...

– Ты, наверное, на шоссе Энтузиастов живешь, – усмехнулась она.

– Почему?

– Потому что его еще называют шоссе Оптимистов.

Шоссе Энтузиастов забито транспортным потоком в любое время дня, а порой и ночи, поэтому для своего маршрута его могли выбрать только оптимисты. Или пессимисты, если не было выбора...

– Нет, я там не живу, – засмеялся Глеб. – Но есть предложение отправиться в этот район и заразиться там оптимизмом. Надеюсь, там есть какой-нибудь ресторан...

– В «Макдоналдс»? – сыронизировала Кира.

Был один соискатель на место ее парня, в ресторан приглашал. Она-то думала, что заведение серьезное, а он привел ее в «Макдоналдс». Радуйся жизни, детка, и ни в чем себе не отказывай...

– Почему в «Макдоналдс»?

– А ты что, выходное пособие получил?

– Нет... Но можно в кафе...

– А может, лучше в кино? Дешево и сердито.

Кира задумалась. А что, неплохо было бы сходить на какую-нибудь комедию. Весело не будет, но дурные мысли развеются.

– Ты шутишь или как? – подозрительно посмотрел на нее Глеб.

Видно, слишком уж много отказов он получал от девушек, чтобы принимать ее предложение за чистую монету.

– Уже не шучу.

– Ну, можно и в кино. Только через пиццерию...

– Далеко не пойдем, тут рядом...

И дом у нее неподалеку. Хорошо, что у мамы ночное дежурство, некому будет лезть в душу. А к завтрашнему дню Кира остынет, и увольнение без расчета уже не будет казаться катастрофой.

А расчет ей нужен. Она ведь и работать пошла, потому что ей нужны деньги. Мама у нее врачом в кардиологическом центре работает, зарплата неплохая, но на лечение столько денег ушло, что в долги пришлось влезть. Отца нет, помогать некому, вот и пришлось устраиваться на работу. Устроилась. И получила. Хорошо, хоть нашелся человек, который поддержал ее в трудную минуту...

Кира оделась, спустилась к выходу, где ее уже ждал Глеб. Куртка на нем кожаная, без мехового воротника – не самый дорогой вариант, джинсы с распродажи, ну, так она и не искала в нем принца. Парень он, в принципе, неплохой, но не из ее романа. И дело не во внешности, просто она воспринимала его как друга.

Глеб увлек ее к парковке и подвел к своей машине. «Хонда» у него – не самая дорогая машина, но смотрится так же круто, как «Мерседес». И внутри здорово. Кира с удовольствием утонула в кожаной мягкости сиденья.

– Твоя машина? – не удержалась она от любопытства.

– Моя. В лотерею выиграл.

Кира внимательно посмотрела на него, не понимая, шутит он или всерьез?

– Мне иногда везет, – объяснил Глеб. – Иногда судьба сама дает шанс. Оказался в нужное время в нужном месте, и лотерейный билет у меня в руках... Я когда этот билет увидел, сразу чувствовал, что будет выигрыш.

Он плавно выехал со стоянки на шоссе. Холодно за окном, а в машине тепло и уютно, даже выходить никуда не хочется.

– Может, правда, в «Макдоналдс»? – спросила Кира. – Так, чтобы из машины не выходить...

– Что, не хочешь в кино?

– Не знаю, – пожала она плечами.

– Давай по городу покатаемся. Когда у меня плохое настроение, я на Садовое кольцо выезжаю и кружу, кружу...

– А у тебя что, сейчас хорошее настроение?

– Оно и не может быть плохим. Ты обратила на меня внимание, ты села ко мне в машину... Какое тут плохое настроение?

– Мы с тобой всего лишь товарищи по несчастью, – напомнила Кира. – Так что ты там ничего себе не думай...

– Ну, все начинается с малого, – смущенно улыбнулся он.

– Что начинается?

– Я теперь от тебя не отстану! – решительно выдохнул Глеб.

– Не поняла.

– Ну, раз уж мы с тобой познакомились...

– Мы с тобой не знакомились. Просто я знаю, что тебя Глеб зовут. Это у тебя на бейджике написано было... И не надо ля-ля, Глеб с бейджика. Если ты прокатишь меня на машине и накормишь в «Макдоналдсе», это еще ничего не значит...

– Ключевое слово – «еще»! – с восторгом вскинул он вверх указательный палец.

– Я не знаю, что ты там себе придумал, но у нас ничего не будет.

– Почему?

– Потому.

– У тебя есть парень?

– Нет. Но был. И мы жили с ним долго и счастливо.

– А сейчас?

– А сейчас не живем. Исчез он. Уплыл, как в море корабль. Как в море корабель. Кобель... Оставил только яркие воспоминания.

– А тебе сколько лет?

– Девятнадцать. Думаешь, уже старая?

– Шутишь? Мне самому двадцать четыре...

– И давно ты в «Электронике» работаешь?

– Да нет, не очень... А что?

К двадцати четырем годам перспективные парни обычно получают высшее образование и устраиваются на более престижную работу, нежели простой консультант в торговом зале. Но говорить об этом она не стала.

– Да так, ничего...

Они подъехали к «Макдоналдсу», приняли заказ прямо в машину, перекусили, а потом долго-долго кружили по Садовому кольцу. А когда Глеб подвез Киру к ее дому, она уже и не хотела прогонять проснувшийся к нему интерес. Не так уж он и плох собой внешне, а внутренний мир у него богатый, притягательный.

– Ко мне зайдешь? – неожиданно предложила она.

– К тебе? А что мама скажет?

– А что мама скажет? Мама сейчас любому жениху рада будет.

– Жениху?!

– А ты что, раздумал на мне жениться?

– Э-э... А мы разве собирались? – замялся Глеб.

– Но ты же хотел... Или ты на часок хотел на мне жениться?

– Нет, не на часок... И ты мне очень нравишься... Мне даже кажется, что я тебя люблю... – покраснел он. – Даже не кажется... Но жениться... Нет, я бы хотел на тебе жениться...

– Да расслабься ты. Пошутила я. Не надо мне ничего...

Из машины она выходила с легкой душой, но уже в подъезде внутри что-то кольнуло. Может, он – ее счастливый билет, а она выбрасывает его, как отрывной лист календаря. Но возвращаться Кира не стала...

Зато сам Глеб догнал ее, когда она открывала дверь своей квартиры.

– Извини, ты не так меня поняла... – опутив голову, пролепетал он. – Разговора о женитьбе не было, а я хочу. Очень хочу...

– Ну, если хочешь, то прошу!

Не успели они переступить порог прихожей, как Кира тут же обняла его и поцеловала в губы, и это было красноречивее всяких слов. А с поцелуя они перешли на язык тела...

Глава 3

Глеб не обманул. Он действительно нашел работу для них двоих и приехал за Кирой, чтобы отвезти ее на собеседование.

Он сказал, что это будет такой же салон, в котором они работали раньше, но почему-то привез ее к тому самому «Электронику», откуда их так бесцеремонно выгнали.

– Что-то я тебя не понимаю! – перевела изумленный взгляд с вывески на Глеба Кира.

– А разве ты не заработала здесь двадцать четыре тысячи?

– Э-э... А разве мы можем их забрать?

– Если бы не смогли, я бы тебя сюда не привез, – загадочно улыбнулся он.

В салоне на них смотрели с удивлением, никто из персонала уже не ожидал их здесь увидеть. А Вика Соколова сделала круглые глаза, когда они столкнулись с ней в тамбуре перед кабинетом Лукьянова.

– Родичева! Я думала, ты тютю! – с ехидной насмешкой сказала она. – Если ты к Саве, то сегодня он уже не сможет...

– Я так и понял, – ухмыльнулся Глеб.

– Что ты понял? – настороженно глянула на него Вика.

– То, что твой Сава ничего уже не сможет...

Он решительно взялся за ручку двери и зашел в кабинет, Кира последовала за ним. Может, ему понадобится ее поддержка, а она хоть и худенькая, но сильная: не зря же всерьез занималась биатлоном, однажды даже взяла призовое место на чемпионате Европы. Могла бы олимпийской чемпионкой стать. Теоретически. Если бы не травма. Практическая.

– А-а! Это вы! – благодушно махнул рукой Лукьянов.

Разморил его секс-марафон с Викторией, вся злость из него вышла. Но сейчас в нем накапливалась новая злость, еще немного, и он начнет заводится.

– Если вы насчет расчета, то это в кассу. Там совсем чуть-чуть, но хоть что-то...

– В кассу ты сам пойдешь, – с ледяной жесткостью в голосе сказал вдруг Глеб.

– Что? – взвился Лукьянов.

– Ты, наверное, в курсе, что у вас новый директор?

– И что?

– Этот директор тебя увольняет. За что, ты сам знаешь. Попытаешься опротестовать это решение, сядешь за сексуальное домогательство к сотрудникам...

– Да кто ты такой?

– Никольский Глеб Евгеньевич.

– Никольский? Какой еще Никольский? – сошел с лица Лукьянов.

– Да, да, сын того самого Никольского...

– Э-э...

– Давайте, Савелий Макарович, собирайте свои вещи. Через час за вами придет охрана, вы же не хотите, чтобы вас вышвырнули отсюда на глазах у ваших бывших подчиненных?

– Э-э, но как же так?

– Поверьте, объясняться с вами я не намерен. Но если что, вот телефон моего адвоката...

Глеб достал из кармана сразу две визитки и небрежно бросил их Лукьянову на стол, после чего вышел, увлекая за собой Киру.

Вместе они прошли в кабинет директора. Секретарша в приемной уже была осведомлена о переменах в руководстве, но, помимо этого, она знала, кто пришел на смену старому директору, поэтому вышколенно поднялась из-за компьютера, когда Глеб зашел в приемную.

– Здравствуйте, Глеб Евгеньевич! – сладострастно улыбнулась она.

И с явным недовольством покосилась на его спутницу, на месте которой она и сама хотела бы оказаться. А она красивая, эта Эльвира, среди сотрудников салона ей не было равных. Но ведь «Электроник» – это сеть магазинов, возможно, она самая красивая среди всех, кто работает на эту компанию. Но Глеб достался Кире, и вряд ли у нее возникнет желание его кому-то отдать.

– Может, объяснишь мне, что здесь происходит? – спросила она, закрывая за собой дверь кабинета.

– А что происходит? – улыбнулся Глеб. – Власть переменялась, то и происходит. Теперь я здесь директор. Мой отец – генеральный директор, а я буду рулить в этом салоне.

– А почему ты работал простым консультантом?

– Все просто. Хотел изучить дело изнутри. Должен сказать, что я еще не до конца выяснил ситуацию, но раз уж так все произошло, значит, так тому и быть.

– Все это так неожиданно.

– Не знаю, я долго к этому шел. Этим летом университет закончил, отец меня в дело взял. Я по-тихому хотел в дело войти, а вошел, как получилось – громко и с увольнениями. Шаталова уволили за то, что бардак здесь развел, Лукьянова – сама знаешь за что... Место Шаталова занял я, а место Лукьянова займешь ты. Я так решил...

– Я?! На его место?!

– А что, не справишься? – спросил Глеб с иронией хозяина положения.

Он уже понимал, что Кира не сможет уйти от него. А она и не собиралась отказываться от своего выбора. Если Глеб был нужен ей обычным парнем, то сейчас она еще больше нуждалась в нем. Он – сын миллионера, директор крупного салона... Да он тот самый принц, о котором мечтает каждая девушка. Кира, конечно, больше грезил олимпийской медалью, но принц ей точно не помешает.

– Ну, почему же не справлюсь?

Не такая уж сложная работа была у Лукьянова. Дебиты с кредитами сбивать не надо, купля-продажа – тоже не по его части, а организовать работу подчиненных – дело нехитрое, если относиться к нему со всей ответственностью.

– Тогда не будем отступать от старых традиций. – Взгляд у Глеба вдруг замаслился. Он подошел к двери и закрыл ее на замок.

– Это ты о чем?

– Ну, Лукьянов совращал персонал, и ты этим займешься. Но твоим персоналом буду только я. Ты как, не против?

– Я только «за», – улыбнулась Кира.

– Ну, если ты «за», то можешь начинать, – многозначительно улыбнулся он.

– Сначала я должна к тебе придаться.

– Я не против.

– У тебя слишком красивая секретарша... Нет, увольнять ее не надо, но на другое место перевести не мешало бы. Не нравится она мне...

– Ты занимаешься персоналом, ты и решай, – легко согласился Глеб.

– И еще ты не сказал мне, кто ты такой. За это штраф. Но учти, я беру натурой...

– Ну, это так неожиданно, – наигранно засмутился он. – Но если начальство настаивает...

– Настаивает.

Кира открыла дверь в небольшой закуток, который напоминал комнату отдыха, поскольку здесь стояли мягкий диван, стеклянный столик, барный шкаф. На этот диван она и усадила Глеба, распоясала его...

Она готова была подыграть ему. И сделает это с удовольствием. И с сомнением. Не так трудно найти принца, как выйти за него замуж...

Секретарша Эльвира перешла работать в другой салон, без понижения в зарплате и социальном пакете – проблема с ней решилась легко и просто. Но как быть с этой красоткой, которая смотрела на Киру с тем же недовольством, что и Эльвира? Ее-то не уволишь и на другую работу не переведешь, потому что она приходилась Глебу мачехой, она была законной женой его отца и сама могла дать Кире отставку. И, судя по тому, как она приняла ее в доме своего мужа, другого решения ждать не приходилось.

Зато отец Глеба принял его невесту хорошо.

– Слушай, а ведь я тебя видел! Да, да, чемпионат Европы по биатлону, ты такая красивая, в лыжном костюме, в шапочке... Бронзовая медаль, говоришь? Да, да, ты на пьедестале стояла...

У него недавно инсульт случился, от удара он оправился довольно быстро, даже речь полностью восстановилась, но вид оставался болезненный, взгляд рассеянный, ощущение такое, будто не говорит он, а бредит наяву.

Никольский-старший уже отошел от дел, и сейчас всем его бизнесом заведовал Глеб. Два месяца он проработал директором салона, еще столько же возглавлял сеть салонов, и за это время их отношения с Кирой продвинулись так далеко, что отец дал согласие на брак. Только вот Маргарита не очень-то была рада выбору пасынка и решению своего мужа. На Киру она смотрела с плохо скрытой неприязнью, разговаривала с ней сквозь зубы.

Но ничего, главное, что Евгений Александрович отнесся к ней хорошо.

– Свадьбу назначим на Красную горку, – решил он.

– Так это уже скоро... – стрельнула в Киру ядовитым взглядом Маргарита.

– А чего тянуть? – удивился Евгений Александрович. – Мне внуков повидать охота...

– Ну, я не думаю, что Кира станет женщиной в первую брачную ночь. У них, наверное, это уже случилось. Да, Глеб?

– Не твое дело!

Маргарита не была Глебу матерью, родственными узами она с ним не связана, отца он уже не боится, поэтому ничто не мешало ему послать ее куда подальше с более решительным видом, но он вместо этого с виноватым видом отвел взгляд в сторону. Может, все-таки боится отца? Или боится причинить ему боль?..

Его неуверенный тон ничуть не смутил Маргариту.

– Почему не мое? Мы, например, с Женей начали жить до свадьбы. И дочь я ему до свадьбы родила. Что здесь такого? И вы можете до свадьбы родить. На радость отцу... Как ты считаешь, Кира? – с притворной любезностью спросила она.

– Да вот как-то до свадьбы неохота, – слегка улыбнулась Кира.

– А ты что, без свадьбы Глеба не любишь? – с фальшивой простотой удивилась Маргарита.

– Люблю. Но без детей.

– Ну да, ну да... Без расчета в нашем женском деле никак нельзя...

– Марго, прекрати! – не выдержал Евгений Александрович.

– А я что? Я ничего. Как скажешь, дорогой, так и будет, – и Маргарита потерла одну ладонь о другую, дескать, она умывает руки.

– А так и скажу! Свадьба – на Красную горку! – отрезал Евгений Александрович и устало махнул рукой. Похоже, всплеск эмоций лишил его последних сил. Выдохся он, побледнел, взгляд у него поплыл. – Глеб, жду тебя с Кирой... Как только сможете, так и приезжайте...

– Да, завтра будем.

– Вот и хорошо...

– Приезжайте, приезжайте, – кивнула Маргарита, но взгляд говорил совсем о другом.

Если Глебу она и была рада, то Киру видеть не желала. Но ведь не она здесь все решает. Ее дело десятое – во всем соглашаться с мужем.

Взрыв прогремел на Пасху. В этот день умер Евгений Александрович. У него случился повторный инсульт, и в этот раз спасти его не удалось. А в четверг, уже после похорон, к Кире пришли. Оперуполномоченный Московского уголовного розыска предъявил ей постановление на обыск, а спустя четверть часа в нижнем ящике ее рабочего стола обнаружили старинную брошь с бриллиантами.

– Кира?! Как ты могла?! – недоуменно протянул Глеб.

– Я?! Могла?! Что я могла? – Кира потрясенно смотрела на знакомую брошь, непонятно как оказавшуюся у нее в кабинете.

Эту фамильную реликвию показывала ей Маргарита в субботу прошлой недели. В семье Никольских брошь переходила из поколения в поколение, более того, это была единственная драгоценность, доставшаяся Евгению Александровичу от его благородных предков. Надо ли говорить, что Никольский-старший очень дорожил ею.

А на следующий день брошь вдруг пропала. Евгений Александрович настолько расстроился, что его снова хватил удар. На этот раз с летальным исходом. Маргарита обвинила в краже свою горничную, ею занялся уголовный розыск. И тут вдруг виноватой в пропаже оказалась Кира.

– Как ты могла украсть отцовскую брошь? – с осуждением смотрел на нее Глеб.

– Я?! Украла?! Ты с ума сошел!

– Да нет, это ты с ума сошла! Это же из-за тебя... Из-за тебя отец... – Глеб в отчаянии махнул рукой и выскочил из кабинета.

Из ее бывшего кабинета. Кира еще не понимала, как эта злосчастная брошь могла оказаться здесь, но уже знала, что сюда она больше не вернется.

– Действительно, как вы могли? – с укоризной спросил оперуполномоченный.

– Я... Я ничего не делала...

– Да, но брошь оказалась в ящике вашего стола.

– Это Маргарита... Это все Маргарита... – Кира обессиленно опустилась в кресло. – Это Маргарита подстроила...

Обхватив голову руками, она истерично засмеялась. Ну, вот и закончилась сказка. Злая мачеха рассорила Золушку с принцем, а добрая фея не превратила ее за это в тыкву. Некому заступиться за Золушку, поэтому ждет ее долгая дорога и казенный дом...

Глава 4

От тюрьмы и сумы не зарекайся. Когда-то эта поговорка, казалось, не имела никакого отношения к Кире. За всю свою жизнь она ни разу не взяла ничего чужого. Случалось, когда продавец обсчитал себя, выдавал ей сдачу больше, чем нужно, она всегда возвращала все сполна... И вдруг тюрьма. Следователь предъявил ей обвинение, суд постановил избрать мерой пресечения содержание под стражей, специальный автомобиль с зарешеченным фургоном, как какого-то зверя в клетке, доставил ее в следственный изолятор. А там толстая тетка в погонах отконвоировала Киру в камеру, и свободный мир захлопнул за ней дверь. Закончился бал, погасли свечи, а Принц отправился на поиск другой невесты. Не простил ее Глеб. Еще и в гибели отца обвинил. И куда только вся любовь делась?..

О тюремных камерах Кира наслышана была как о чем-то ужасном. Холод, убогость, вонь, насилие... Но в изоляторе временного содержания камера у нее была вполне приличной. Да и здесь ничего пугающего она не увидела. Вполне современные двухъярусные кровати с деревянными спинками, даже лесенки на них, чтобы легче было забраться на второй «этаж». Телевизор на кронштейне под потолком, пластиковый стол с хромированными ножками, стулья, шкаф для вещей, холодильник, туалетная кабинка, ковровая дорожка на деревянном полу. Ремонт неплохой, тепло, и никакой вони. Из восьми коек только пять были заняты – и людей немного, и свободные места есть.

Кира поздоровалась, но на это никто не обратил внимания. Пожилая женщина с платком на голове вязала, три девушки в спортивных костюмах сидели за столом, пили чай с конфетами, о чем-то негромко переговаривались, посматривая на экран телевизора. Еще одна девушка, симпатичная блондинка, лежала на койке, забросив руку за голову, и рассеянно смотрела на Киру. Не было агрессии в ее взгляде, но и дружелюбия тоже не наблюдалось. Она смотрела на новенькую, как на пустое место.

Кира пожалала плечами, поставила сумку на пол возле свободной койки, бросила белье на пустующее место.

– А разрешение спросить не забыла? – спросила рыжеволосая девушка с деформированным носом.

Глаза у нее выразительные, черты лица правильные, цвет волос отнюдь не отталкивающий. Ее можно было бы назвать красивой, если бы не перебитый нос. Как минимум два перелома на переносице, причем не столь уж и давних.

– Так свободно же.

– Свободно там, за решеткой, – кивком показала на окно рыжеволосая. – А здесь век свободы не видать...

– И у кого спрашивать?

– У меня, – поднялась из-за стола крупная круглолицая девушка. У этой нос идеальный, но вот все остальное не выдерживало никакой критики. Некрасивая она, да еще и толстая. Мужиковатая какая-то, и голос грубый.

Она окинула новенькую оценивающим взглядом, подошла к ней, бесцеремонно обнюхала лицо и волосы:

– Как зовут тебя, сладенькая?

– Кира.

– Моя Кира. Если моей Кирой будешь, этих лесбиянок можешь смело посылать в задницу, им там самое место...

– Да, только мы без тебя, Валя, не бываем, – хихикнула худосочная девица с длинным тонким лицом и острым, как хвостик у «единицы», носом.

– Смотри, как разговаривает, – благодушно усмехнулась круглолицая Валя. – Худая как сопля, я ее плевком перешибить могу, а она, смотри, дерзит. И ничего не боится. А чего Катке бояться, если она под моей защитой? И Ленка под моей крышей, да, Ленка?

– Отвянь! – с показной небрежностью отмахнулась от нее рыжеволосая.

– Ты не думай, они от рук не отбиваются, – незлобиво пояснила Валя. – Просто у нас здесь демократия. Все что угодно говорить можно, главное, не заговариваться... Ленка у нас говорит, но не заговаривается. Она хорошо помнит, как со второго этажа упала, как сломала себе нос. Да, Ленка, было такое?

– Для кого-то было, а для кого-то нет.

– Видишь, она тебя, Кира, за человека не считает, – ухмыльнулась Валя. – Но ты не переживай, все наладится. Если своей станешь, тебя здесь все уважать будут.

– Я все понимаю, – кивнула Кира.

– Да? Ну, тогда добро пожаловать, милая... Вот кровать твоя, располагайся... Да, только у нас правило, в постель только после душа ложиться. Давай располагайся и в душ...

Удивительно, но в камере имелся душ. Чтобы принять его, нужно было встать на постамент со встроенным в него унитазом, поднять лейку над головой и включить воду. В камере имелась горячая вода, только подавалась она по часам. И как только настало время, Валя потащила Киру в эту кабинку, заставила раздеться и встать под душ. В принципе, она была только рада.

Но ей совсем не понравилось, когда в кабинку к ней втиснулась сама Валя. Одежды на ней не было, поэтому льющаяся вода ничуть ее не смущала.

– А как ты думала, милая? Вода у нас по часам, времени мало, а помыться все хотят... Давай я тебя намылю...

Это был какой-то ужас. Толстые, намыленные руки беспардонно шарили по ее телу, мяли грудь, забирались в заповедные места. Но пальцы в глубь этих мест не проникали, поэтому она нашла в себе силы стерпеть этот произвол.

Из кабинки Кира выскочила как ужаленная. Дикими глазами глядя на ухмыляющихся сокамерниц, юркнула под одеяло и накрылась им с головой. Так и пролежала до самого отбоя. Валя подходила к ней, приглашала на ужин, но она и слышать ее не хотела.

А ночью Валя вдруг полезла к ней под одеяло. Кира инстинктивно сжала ноги.

– Спокойно, милая, спокойно, – нашептывала Валя, пуская в ход свои жадные руки. – Я больно не сделаю... Тебе понравится...

– Уйди! – Кира резко и с силой оттолкнулась от стены, мощным движением столкнула тяжеленную Валю с кровати и тут же вскочила на ноги, чтобы защитить себя от возможной агрессии.

– Ах ты, сука!

Валя схватила ее за ногу, пытаясь стащить с койки, но Кира ударила ее сложенными в лодочку ладонями по ушам. И так удачно ударила, что Валя волчком закружила по камере. Но вот она пришла в себя, метнулась к своей койке, достала оттуда ложку с остро заточенным черенком и бросилась на Киру:

– Попишу, тварь!

Но та не растерялась – кинула ей в лицо подушку и тут же ударила ногой в живот. От сильного удара Валя сложилась пополам, и заточка выскользнула у нее из руки.

Тут же открылась дверь, и в камеру ворвались надзирательницы с дубинками в руках.

– Козлова, снова ты? – возмущенно протянула одна.

Валю схватили под руки и вытащили из камеры. Другая надзирательница взяла под руку и Киру.

– Эй, новенькая здесь ни при чем! – вскочила со своей койки блондинка. – Новенькая защищалась!

– Ладно, завтра разберемся...

Киру оставили в покое, а Валю куда-то увели.

– Допрыгалась, кобла! – глядя на закрывшуюся дверь, злорадно улыбнулась блондинка.

– Она к тебе тоже приставала? – вырвалось у Киры.

– Ко мне приставала? – с хищной колкостью в глазах посмотрела та на нее. – С чего ты взяла?

– Ну-у...

– Хочешь сказать, что я красивая?

– Э-э...

– Ты что, заигрываешь со мной? – весело засмеялась блондинка, снимая тем самым возникшее напряжение.

– Я заигрываю?

– Ладно, расслабься, нормально все. Шучу я... Ну, чего скалитесь, ковырялки?

Мария Витальевна лежала на боку спиной к проходу – или спала она, или, скорее всего, делала вид, а Ленка и Катька с интересом наблюдали за сценой, весело им.

– Сейчас унитаз у меня здесь, лизалки, вылизывать будете!

Улыбки вмиг исчезли с девичьих лиц. Агнию здесь боялись, даже Валя заискивала перед ней, как успела заметить Кира.

– Давай в постель, а то дубинки вернутся, – кивком головы показав на дверь, сказала Агния. – Мы у них сейчас под присмотром. Завтра поговорим...

Она легла в свою постель, Кира забралась к себе под одеяло. В камере стало тихо. Сначала захрапела Мария Витальевна, затем засопела Ленка. Кира даже не пыталась заснуть. Ей казалось, что сейчас откроется дверь, в камеру вернется Валя и ведьмой набросится на нее...

Но Валя не появлялась, зато к ней подседа Агния. Подседа, чтобы поговорить, во всяком случае, Кира хотела на это надеяться.

– Не помешаю?

– Да нет. – Кира села, согнув ноги в коленях.

– У нас тут свободы нет, зато свободного времени хоть отбавляй, – улыбнулась Агния. – Еще успеешь выспаться.

– Да я не хочу спать.

– Хочешь. По глазам вижу, что хочешь.

– Еще что по глазам видишь? – усмехнулась Кира.

– А вижу, что ты легко даешь себя в обиду. Только обидеть себя не даешь... Ловко ты Вальку сделала, четко на нее наушники надела... Занималась чем-то?

– Да так, на тренировках с девчонками баловались. Была у нас одна, карате занималась...

– Одна занималась? А остальные?

– А остальные биатлоном.

– Биатлоном? Это интересно.

– Кому интересно?

– Мне интересно.

– Евгению Александровичу тоже было интересно, – невесело усмехнулась Кира.

– Кто такой Евгений Александрович?

– Да так...

– Я не священник, исповеди не принимаю. Но если наболело что, можешь рассказать. И тебе легче станет, и мне делать нечего...

– Евгений Александрович королем был, его сын – принцем, а я Золушкой. Еще злая мачеха была. Король умер, а злая мачеха подставила Золушку, брошь мне подбросила.

– Тебя за эту брошь посадили?

– Из-за нее.

– Классика жанра, – хмыкнула Агния. – Когда Золушка попадает во дворец, там всегда что-то пропадает, и она оказывается воровкой.

– Тебе это знакомо?

– Ну, сама я это не проходила, но была одна знакомая... Ты же не хочешь, чтобы я про нее рассказала? – Агния не столько спрашивала, сколько утверждала.

– Спасибо, своей сказкой сыта по горло.

– Дорогая брошь?

– Ну, там бриллианты... Восемнадцатый век... Ее оценили в четыре миллиона рублей...

– Кража в особо крупных размерах?

– Просто в крупном размере. Статья сто пятьдесят восьмая, часть третья, от пяти до десяти лет...

– Круто. А если просто кража, без крупного размера?

– До трех лет лишения свободы. А могут и условно дать...

– А вдруг брошь эту переоценили? Может, она и не стоит таких денег...

– Не знаю... – пожала плечами Кира. – Тут дело не только в броши. Из-за этой кражи умер Евгений Александрович...

– Из-за кражи?

– Да, эта брошь была его единственной семейной реликвией. Когда он узнал о пропаже, тут же сознание потерял. Второй инсульт, обширное кровоизлияние...

– А что за мачеха?

– Молодая жена, мачеха Глеба.

– Молодая жена старого миллионера, – задумчиво проговорила Агния. – Или не миллионера?

– Миллионера. Там большие деньги. Очень большие... Маргарита не хотела, чтобы я замуж за Глеба выходила, поэтому меня и подставила, брошь мне подбросила.

– Сама подбросила?

– Ну, это вряд ли... Может, попросила кого-то... Да это и не важно...

– А почему Маргарита? Может, Глеб твой постарался?

– Зачем ему это?

– Ну, чтобы от тебя избавиться. Может, ты ему надоела, а повода, чтобы расстаться, не было. А если повода нет, то его надо придумать...

– Не нужен был повод. Если бы он сказал, я бы ушла.

– Это ты сейчас так говоришь. Ты же биатлоном занималась, стреляешь хорошо...

– И что?

– Может, он боялся, что ты отомстишь?

– Да нет, я не стала бы в него стрелять. Да и не из чего...

– Не из чего? Видишь, ты уже думала, что негде оружие взять. А если думала, то была мысль отомстить...

– Да нет, Глеб здесь точно ни при чем.

– А злой мачехе отомстить не хочешь?

– Как?

– Значит, хочешь... Мой тебе совет, детка, выбрось из головы эти мысли. Не надо никому мстить. Надо думать, как выбраться из этой ситуации... Адвокат у тебя хороший?

– Не знаю, время покажет, – вздохнула Кира.

Хороший адвокат стоит больших денег, но и средней руки защита тоже влетала в копеечку. Мама в долги залезла, чтобы оплатить услуги адвоката. Тот уже работает, но пока все без толку.

– Время уже показало. Если ты здесь, то хреновый у тебя адвокат. Ты бы на свободе суда дожидалась, если бы хороший адвокат был...

– А у тебя какой адвокат?

– Неважный. Если я здесь, то неважный, – тихонько засмеялась Агния. – Хотя дело не в адвокате. Статья у меня серьезная – незаконное хранение взрывчатых веществ. Вроде бы немного, всего до трех лет лишения, но ты же знаешь, какая ситуация в стране. Здесь терроризмом пахнет, меня вообще в Лефортово хотели отправить...

– Не повезло тебе.

– Да, не повезло. Кремль хотела взорвать, а не смогла. Не повезло.

– Кремль?

– Шучу, конечно... Я вообще про эти толковые шашки ничего не знала. С офицером одним жила, он откуда-то их приволок, на балконе спрятал. А потом он исчез. Ушел на службу и не вернулся. А тут менты с обыском... Да, права ты, Кира, не везет мне на парней. Один четыре толковые шашки оставил, другого человека ограбил и убил... Познакомилась с парнем, пришла к нему домой, коньяк, шампанское, а тут менты. Все, Игорек, приплыли, человека ты убил и ограбил. Обыск у него устроили, а нет ничего... – Агния, казалось, ушла в себя. Со стороны казалось, будто она разговаривает сама с собой. – Ты, мол, кто такая? В паспорт полезли, узнали адрес по прописке. Майор там один был, крутой мужик. Взгляд такой, что мурашки по коже. Он решил, что Игорек у меня награбленное прячет, хотел к моим родителям с обыском ехать. А у меня мама больная... В общем, повезла я их к себе на квартиру. Знала, что там нет ничего такого. А про толковые шашки не знала, они их и нашли... Слушай, а ты хорошо стреляешь? – вдруг встрепенулась она.

– Ну, думаю, что неплохо, – подозрительно взглянула на нее Кира.

– Я люблю на лыжах кататься, знаю, как это дыхание сбивает. А вам в биатлоне со сбитым дыханием стрелять приходится, и еще попасть надо. А если не попал, то на штрафной круг, да?..

– И такое бывает.

– Слушай, может, ты Косте отомстишь?

– Косте? Какому Косте?

– Да расслабься ты, глупая. Шучу я... – засмеялась Агния. И снова ушла в свои мысли. – Хотя, если честно, я бы его наказала. Представляешь, менты его нашли, про толковые шашки у него спросили, а он, типа, знать ничего не знает. И меня не узнает. Дескать, впервые меня видит...

– Сволочь.

– Не то слово. Я бы его сама, своими руками... Ты не думай, мне твоя помощь не нужна. Я сама кому хочешь голову скручу. Валька вот приставай пыталась, потом на цыпочках передо мной ходила... Мне бы выбраться отсюда, я сама с Игорьком поговорю... Стрелять его не буду, а морду набью... Или все-таки лучше застрелить?

Глядя на Агнию, Кира не могла понять, шутит она или говорит всерьез. Но вот ее губы растянулись в улыбке. Снова шутит... Только шутки у нее какие-то странные. Хотя и не менее странные, чем ситуация, в которой она оказалась. Какой-то козел спер с военного склада взрывчатку, спрятал у нее на квартире, а потом сделал вид, что ничего не знает.

Но этот козел всего лишь боялся за свою шкуру, а Маргарита нарочно подставила Киру под статью Уголовного кодекса. Ей грозит десятилетний срок, а эта тварь тому только радуется. Кира может погибнуть в тюрьме, но ей и дела до этого нет. Что ж, возможно, и у нее скоро в голове будут рождаться странные шутки. Скоро она сама будет жить мыслью о мести...

Кира представила, как голова Маргариты оказывается в прорези ее прицела. Разве смогла бы она устоять перед искушением выбить подлые мысли из этой хорошенькой головки?..

Глава 5

Что такое тело без души? Есть несколько вариантов ответа, например – бездушная скотина. Но майору Козыреву в который уже раз пришлось столкнуться с другим и, увы, совсем не веселым вариантом. Тело без души – это труп.

Снайпер стрелял с крыши строящегося дома. Жертва стояла на застекленном балконе собственного особняка, курила дамскую сигарету через изящный мундштук из слоновьей кости. Красивая была женщина. Была... Пуля попала ей точно в сердце. Она даже не поняла, что случилось, так быстро наступила смерть. И вряд ли она ее ждала, если так просто подставилась под снайперский выстрел.

На место преступления прибыла оперативно-следственная группа из местного ОВД, работа еще идет, но труп уже увезли, на балконе остался только меловый силуэт. А в доме остались фотографии покойной, одну из них и рассматривал сейчас Козырев.

– Красотка, – восторженно проговорил начальник уголовного розыска Аксаков.

Артем повернул голову в его сторону. Пашу Аксакова он знал давно, приходилось работать в одной упряжке. Да и сейчас он очень рассчитывал на его помощь.

– Да уж, хороша...

– Обидно, снайпер стрелял из области, а убил на территории Москвы. Лучше бы наоборот.

– И не говори, – усмехнулся Артем.

Элитный поселок размещался за Кольцевой автострадой, но при этом входил в черту города. А соседний дачный поселок – это уже область. Оттуда и стрелял снайпер. Только вряд ли киллер вникал в эти нюансы. У него была задача – исполнить заказ. А у Козырева задача найти убийцу. Его на это дело кинули, ему им и заниматься. И Паша Аксаков ему в помощь, или наоборот, что, в общем-то, не суть важно. Все равно ведь обоим достанется, если убийцу не найдут. А тут остро пахнет «глухарем», потому и переживает Аксаков. И так ему обидно, что нельзя сместить городскую черту на каких-то сто-двести метров влево, тогда бы другие занимались этим делом...

– Четко сработано, один выстрел – один труп. Из «СВД» стреляли. Винтовка на месте осталась, гильза валяется...

– И ни одного пальчика, – невесело предположил Козырев.

– Ну, не знаю, может, изнутри на ствольной коробке что-то найдется, – уныло пожал плечами Аксаков.

– Вряд ли. Хотя и хотелось бы...

– Кстати, винтовка как-то странно стоит. Ее к стенке прислонили, стволом вниз, она глушителем в пол упирается...

– И не упала?

– В том-то и дело. Ее аккуратно поставили. Такое впечатление, что киллер особо не торопился.

– Может, это его фирменный нам привет?

– Может быть... А может, случайно так вышло. Он винтовку к стене приставил и убежал, ему было все равно, упадет или не упадет. А она не упала...

– Все может быть, – пожал плечами Артем.

– Кроме винтовки и гильзы, на чердаке никаких следов. Зато на снегу четкие отпечатки обуви. Тридцать восьмой размер.

– Это уже интересно. Неужели женщина?

– Или маленький мужчина...

– Ну да, бывает и такое...

– А может, тридцать восьмой размер на сороковую ногу надели? Чтобы нас с толку сбить...

– Декабрь на дворе, морозы, если обувь теплая, то на сороковую ногу ее точно не натянешь. А если наденешь, то и отморозить можно. Или чердак отапливался?

– Нет, конечно...

– Да и выстрел был в грудь. Женщины обычно не стреляют в голову, для них это противоестественно...

– Ну, я бы с этим поспорил.

– Я бы тоже. Но статистика вещь упрямая, гораздо чаще женщины стреляют в грудь, чем в голову... И часто покойная на террасу покурить выходила?

– Дворецкий говорит, что у нее выкурить сигарету после обеда – святое дело. Сначала сигарета, а потом тихий час...

– Ну, мне тоже поспать сегодня не удалось, – хмыкнул Артем.

Так хорошо субботний день сегодня начинался. Во-первых, отгул у него, во-вторых, он проснулся в объятиях шикарной женщины. Проснулся поздно, позавтракал с пивком, а заодно и пообедал, потом увлек подружку обратно в спальню. После тесного общения его потянуло в сон, а тут начальник со своим звонком...

– На том свете отоспимся.

– Это ты про кого? Про нее? – Артем легко щелкнул по фотографии, которую держал в руке.

Потерпевшая на этом снимке стояла под руку с каким-то седовласым господином в клубном пиджаке. И сама она была в вечернем платье. Роскошные волосы черными волнами растекаются по красивым обнаженным плечам, полновесная грудь так соблазнительна в не очень скромном декольте... И очень жаль, что теперь эти прелести будут смотреться на анатомическом столе.

– И про нее. И про ее мужа, – тоже коснулся пальцем фотографии Аксаков.

– Это ее муж?

– Никольский Евгений Александрович. Сеть салонов бытовой и электронной техники «Электроник» тебе что-нибудь говорит?

– Ну да, знакомое дело.

– Его детище.

– Ну, теперь понятно, откуда все это взялось... – Артем обвел рукой огромный, блистающий роскошью холл первого этажа. – Э-э, и что там с ее мужем?

– Скончался от инсульта весной этого года.

– А «Электроником» кто командует?

– Глеб Евгеньевич Никольский, сын покойного.

– Так, понятно... А на каких правах командует? Кто он, законный наследник своего отца или ставленник своей, так сказать, мачехи? Кто унаследовал акции «Электроника»?

– Я так далеко еще не заезжал. Что мне дворецкий сказал, то я тебе и говорю...

– А Глеб этот Евгеньевич где?

– Ну, у него свой дом. Квартира в Москве. Он здесь редко бывает... Я уже отправил к нему человека...

– Да уж, хотелось бы поговорить с ним. И насчет завещания бы узнать...

Дворецкого Козырев нашел на кухне. Это был пожилой подтянутый мужчина с холеной, но вовсе не аристократической внешностью. Он сидел за барной стойкой и потягивал коктейль через трубочку. Рядом с ним сидела тоже немолодая горничная в форменном платье с кружевным передником. Увидев Артема, они поспешили подняться со своих мест. «Да, мы все понимаем и готовы сотрудничать со следствием. Только мы уже устали от бесконечных допросов»

и не знаем, сможем ли выдержать следующий». Что-то в этом духе можно было прочесть в их глазах.

Разговор Артем начал с выяснения личности. Мужчину звали Аркадием Петровичем, женщину – Валерией Михайловной. И фамилия у них одна. Что ж, муж и жена – одна бочка с информацией. То, что знал один, могла рассказать и другая. А женщины, как правило, более болтливы по своей природе, да и запугать их легче, поэтому Артем выбрал для разговора Валерию Михайловну, а ее мужа попросил удалиться.

– Я смотрю, вы загрузили, Валерия Михайловна? – усаживаясь на высокий барный стул, начал он.

– Выпить не желаете? – исключительно из вежливости спросила она. Не было у нее настроения обслуживать полицейского майора.

– Да нет, спасибо. На работе не пью.

– А мы тут с Аркадием по чуть-чуть...

– Вот и я говорю, что загрузили вы. Никольский умер, жена его ушла за ним. Кто теперь в доме хозяин? Кому служить будете?

– Не знаем... – вздохнула женщина. – Как бы не пришлось искать другую работу...

– А сын Никольского? Разве он не захочет... э-э, возглавить отчий дом?

– Отчий дом – это там, где рождаются. Где с матерью живут, с отцом. А мать Глеба в другом доме умерла. Отец этот дом для его мачехи построил. Для Маргариты Сергеевны... Глеб не очень любил этот дом.

– И мачеху не жаловал?

– Ну, я бы не сказала, что не жаловал...

Валерия Михайловна вдруг потянулась к бутылке с виски и плеснула себе в стакан, в недопитый коктейль. Возможно, дело не только в том, что ей вдруг захотелось выпить, скорее всего, своим импульсивным движением она пыталась отвлечь Артема от поднятой вдруг темы.

– А какие у них отношения были?

– Ну, какие отношения могут быть между сыном и мачехой? Ревновал Глеб отца. Только мать умерла, как отец уже женился...

– На ком женился?

– Ну, на Маргарите, понятное дело...

– Мне тоже это понятно. Только вот непонятно, Маргарита у него уже была, когда жена умерла?

– Чего не знаю, того не знаю. Аркадий в этом доме с самого начала работает, но Маргарита уже была замужем за Евгением Александровичем. Мать Глеба он не знал. А я тем более...

– А вы как давно работаете?

– Ну, с тех пор, как вакансия освободилась. Тут случай недавно был. Я бы сказала, трагический случай. С него все, в общем-то, и началось. У Евгения Александровича брошь с бриллиантами пропала, он как узнал об этом, так его инсульт хватил. Повторный инсульт. Он в тот же день и отдал богу душу... Так вот, под подозрение горничная попала, украла якобы она эту злосчастную брошь. А когда потом выяснилось, что брошь украла невеста Глеба, с Ольги подозрение сняли, только она все равно уволилась, не смогла работать в доме, где ей не доверяют. Ну, я не скажу, что хотела вакансию эту занимать, все-таки я не абы кто, я в симфоническом оркестре играла, на арфе... – Валерия Михайловна кокетливо потерла локон серебристых волос, выбившийся из-под чепчика. – Аркадий меня долго уговаривал, в конце концов я согласилась. В общем, я сюда пришла уже после того, как Евгений Александрович умер...

– Значит, брошь украли, и в тот же день умер Евгений Александрович?

– Да, в тот же день...

– А украла брошь невеста его сына.

– Да, она.

- Зачем она украла брошь?
- Кто ж ее знает? Свадьба уже на носу была, Евгений Михайлович спешил...
- Куда он спешил?
- Ну, сына женить спешил. Внуков хотел поскорее увидеть...
- Значит, он был не против свадьбы?
- Ну, Аркадий говорит, что нет, но вы лучше у него спросите...
- Спрошу, обязательно спрошу... Так что вы там говорили про отношения Глеба со своей мачехой?
- А что я говорила? – встрепелась женщина.
- Ну, отношения у них хорошие...
- Хорошие?! – испугалась она. – Разве я это говорила?
- Говорили.
- Да нет, не могла я такое сказать...
- Почему?
- Потому что плохие между ними отношения...
- Насколько плохие?
- А вы это у Глеба спросите, он вам скажет.
- Пока что я с вами разговариваю, Валерия Михайловна, и сдается мне, что темните вы. Недоговариваете что-то.
- Что я недоговариваю?
- Смотрите, Валерия Михайловна, дело тут серьезное, заказное убийство. Кто-то заказал смерть Маргариты Михайловны. Возможно, Глеб это сделал. Как бы вам соучастником преступления не стать...
- Соучастником преступления?! Мне?! – оторопело протянула женщина.
- Ну, если вдруг выяснится, что вы скрываете правду, я должен буду взять вас на заметку. А все может выясниться, ведь я не только с вами разговаривать буду, кто-то что-нибудь да скажет. Охранник у вас тут на воротах, повар...
- А что они могут сказать?
- Ну, как часто Глеб Никольский приезжал сюда после смерти своего отца...
- Ну, приезжал иногда...
- Зачем?
- С Маргаритой поговорить.
- О чем?
- Я не знаю. Они на втором этаже запирались...
- Запирались?
- Ну, я не так выразилась, – замялась Валерия Михайловна. – Они не запирались, просто нам не велено было подниматься на второй этаж. А чем они там занимались, я не знаю...
- А чем они там занимались? – подхватил Артем.
- Я же говорю, что не знаю, – женщина не выдержала, отвела взгляд в сторону.
- Но ведь занимались.
- Не знаю. И знать не хочу. Я не какая-то там любопытная Варвара, чтобы через замочную скважину подглядывать.
- Значит, было за чем подглядывать?
- Глупости вы говорите.
- Глупости на втором этаже делались. А глупости обычно на постели делаются. После таких глупостей следы остаются, белье пачкается, контрацептивы там... Вы меня понимаете?
- Понимаю... Но я ничего такого не замечала.
- Вы в этом уверены?
- Ну да, уверена...

Валерия Михайловна могла бы и не отвечать на этот вопрос, все равно Артем ей уже не верил... Неспроста Глеб наезжал к своей красавице-мачехе, было между ними что-то такое интимное. Это побочное открытие, но ведь оно могло подкрепить одну из версий следствия. Одну из многих, которые могут появиться в будущем. А пока что связь между сынком и мачехой подтачивала версию Артема. Если между Глебом и Маргаритой Никольскими были теплые отношения, то зачем одному заказывать другую?

– А что вы скажете насчет наследства? Кому Никольский завещал свое состояние?

– Всем завещал. И жене завещал, и сыну... Дочери ничего не завещал, о ней должна была позаботиться Маргарита Михайловна.

– Дочери?

– Да, у Евгения Александровича была дочь от Маргариты. Мариночке уже шесть лет.

– И где она?

– В частном пансионе. Маргарита Михайловна считает, что домашняя обстановка мешает гармоничному развитию личности. Не скажу, что я с этим согласна...

– А что скажете? Может, скажете, что Маргарита Михайловна тяготилась своим ребенком?

– Ну, я не знаю... Нет, наверное, не тяготилась, – замялась горничная. – Просто она предпочитала английскую систему воспитания...

– Да, есть такая система, там совсем не обязательно проявлять любовь и ласку. Очень удобно, когда нет любви к ребенку. Когда Евгений Александрович был жив, Марина тоже воспитывалась в пансионате?

– Нет, она воспитывалась здесь...

Артем налил в стакан апельсинового сока, выпил. Да, бывают такие стервы, которые любят только себя. Они умеют изображать из себя любящих жен и матерей, но, как только отпадает потребность притворяться, маски с них слетают, как листья с деревьев по осени. Скорее всего, Маргарита была такой стервой, если она и любовника завела после смерти мужа, и дочь подальше от себя отправила, чтобы не отягощать себя материнскими заботами. Да и не простого любовника нашла, а сына своего мужа... А может, в интимных связях с Глебом Никольским она состояла еще до смерти мужа?..

– Значит, Евгений Александрович поделил свое состояние пополам?

– Ну, насколько я знаю, так и было, – кивнула женщина.

– Может, у Маргариты и Глеба было желание объединить свое капиталы?

– Чего не знаю, того не знаю.

– Когда Глеб приезжал сюда в последний раз?

– Да уже давно... Месяца два его не было... А раньше раз в неделю наезжал как минимум...

– Может, у него девушка появилась?

– Не знаю.

– Ну, если не знаете, чего я вас пытаться буду?

Артем свернул этот разговор, чтобы подготовиться к другому. Он ждал Глеба Никольского, чтобы поговорить с ним о Маргарите, но, увы, тот в доме своего отца так и не появился. Ну что ж, придется его навестить...

Глава 6

Всю ночь крутила метель, все следы снайпера завьюжила. Но, как показывала практика, гоняться за профессиональным киллером дело неблагодарное, не тот он волк, который позволит себя поймать. Да и не их нужно искать, а заказчиков. Киллер – это всего лишь ружье, куда его повернут, туда он и выстрелит. Настоящий убийца – это человек, заказавший смерть. Именно на такого человека и пытался выйти Артем. Поэтому он здесь, возле высотного элитного дома на Софийской набережной. Только вот не хотят его подпускать к Никольскому. Охранник уперся, грудью встал за защиту жилья.

– Я все понимаю, товарищ майор, но и вы меня поймите, уволят меня, если я нарушу инструкцию.

Молодой, физически крепкий парень смотрел на Козырева глазами старика-сторожа, которому без своей копеечной работы никак. Ему бы где-нибудь на производстве чугуны болванки ворочать на благо страны, а он покой буржуев охраняет, как тот пес цепной, и еще работу свою боится потерять. Было бы за что бороться...

– Какую инструкцию?

– Ну, если у вас там санкция на обыск или арест, никаких вопросов, но у вас ничего такого нет.

– Я повестку гражданину Никольскому вручу.

– А вы ее по почте отправьте.

– Ты что, министр МВД, чтобы определять порядок вручения повесток?

– Нет, но...

– Давай без «но». Сейчас я выпишу повестку гражданину Никольскому, ты пойдешь к нему и вручишь ее.

В принципе, Глеба Никольского можно было вызвать в управление прямо сейчас и в самом начале пути перехватить у контрольно-пропускного пункта перед его домом.

– Э-э, я не могу отлучаться, – кивком головы показал парень на сторожку.

– А чего так? Боишься награбленное без присмотра оставить?

– Награбленное?

– Тут на днях человека ограбили, говорят, грабитель был в такой же униформе, как у тебя... Кстати, а ведь это вариант!

Артем достал из кармана телефон и сделал вид, будто звонит кому-то из своих подчиненных. Обращаясь к тишине в эфире, он потребовал прислать людей для обыска.

– Зачем обыск? – растерянно посмотрел на него охранник.

Вряд ли у него там, в сторожке, были краденые вещи, но запросто могло найтись что-то криминальное – нож, например, который можно было квалифицировать как холодное оружие, или даже незарегистрированный газовый пистолет, а если обнаружится пакетик с травкой, так это совсем труба дело. Велик океан тайных пороков, всех его темных глубин и не перечислишь...

Артем хорошо помнил события годичной давности, когда он задержал Игоря Горбатова. В поисках улик он взял в оборот его подругу. Не хотела она говорить, где живет, но все-таки раскололась. Назвала адрес, и ключ из ее сумочки подошел к замку названной квартиры. Там провели обыск и нашли три толстые шашки весом по четыреста граммов. Агния пыталась свалить вину на кого-то из своих кавалеров, но все безуспешно. В СИЗО ее отправили, почти год она там отсидела, а потом был суд, и ее приговорили как раз к тому сроку, который она отбыла под следствием. На свободе она уже, а Горбатов сам подписал себе смертный приговор, сам же привел его в исполнение. Вены себе зачем-то вскрыл, спасти его не удалось...

– Не нужен обыск, – мотнул головой охранник. – Я сам повестку отнесу.

– Отнесешь, – усмехнулся Артем. – А я пока в сторожке у тебя побуду. Что там у тебя, гляну...

– Нет у меня там ничего... Может, вы лучше сами отнесете?

– Я подумаю. А ты пока подумай, видел эту женщину или нет? – достал из кармана фотографию Маргариты Козырев.

– Ну...

– Красный «Феррари» у нее, внедорожник «Порше» серебристого цвета, белый спортивный «Мерседес»... – Козыреву пришлось потрудиться, чтобы перечислить все машины, на которых могла приезжать сюда Маргарита Никольская.

– Да, на «Мерседесе» она приезжала... И на «Порше» была...

– И часто она здесь бывала?

– Ну да, бывала. На ночь иногда оставалась...

– Можешь расслабиться, обыска не будет.

Консьерж в подъезде оказался куда сговорчивее. Он даже позвонил Никольскому, сказал, что к нему из полиции пришли. Правда, если бы Глеб отказался принять гостя, у Артема могли бы возникнуть проблемы и с консьержем, но нет, вип-жилец дал соизволение на визит.

Глеб Никольский по природе своей был малосимпатичным на внешность, неказистым, невзрачным, у женщин такие парни, как правило, успехом не пользуются. Если, конечно, у них нет больших денег... Мало того, еще и лицо у него опухло, круги синие под глазами, а запах перегара не мог убить даже мускатный орех. Хреново ему после вчерашнего, вид болезненный, глаза воспаленные.

Артем представился, зашел в холл, осмотрелся. Квартира у Никольского большая, роскошная, из просторного холла через арочный проход можно было выйти на кухню с обеденной зоной, в зал или в коридор к другим комнатам, в том числе и к спальне, где, возможно, кто-то сейчас находился.

– Ты один? – спросил Козырев.

– Да, один... А почему вы обращаетесь ко мне на «ты»? – возмущенно посмотрел на него Глеб.

– Да понимаешь, старик, воспитания не хватает. – Артем прошел в каминный зал и без приглашения опустился в белое кресло. – Понимаю, что на «вы» нужно, но вот не заслуживаешь ты моего уважения. А если человек не заслуживает уважения, как-то не получается с ним на «вы»... Ну, если вы настаиваете...

Артем нарочно начал разговор с провокации, чтобы выбить похмельного Никольского из колеи. Когда внутренний баланс нарушен, человеку трудно контролировать себя, тогда в нем легче высмотреть правду.

– Почему это я не заслуживаю уважения? – заметно растерялся Глеб.

– Родная мачеха погибла, а вы даже не откликнулись на это. Могли бы приехать к ней домой...

– Мачеха не может быть родной.

– Да, если ты с ней не спишь.

– Кто с кем спал? – побледнел парень.

– Ты спал со своей мачехой. А ты разве не знал? – иронично усмехнулся Артем.

– Что вы себе позволяете? Если вы будете себя так вести, то я попрошу вас...

– Ну, попросишь. Ну, допустим, уйду я. А завтра к тебе придет следователь с постановлением на твой арест. Все, тогда про явку с повинной можно забыть...

– Какая явка с повинной? О чем это вы? – разволновался Никольский.

– А вдруг это ты заказал свою мачеху?

– Я?! Заказал Маргариту?! Вы в своем уме?

– А что, теперь ее доля перейдет к дочери твоего отца, ты возьмешь над ней опеку, через нее завладеешь всем отцовским наследством. Или я где-то не прав?

– Я даже не хочу об этом говорить! – Никольский стал белый как мел.

– Не хочешь, но придется. Я не претендую на знание всех нюансов, но сдастся мне, что смерть Маргариты выгодна тебе...

– Может, и выгодно, но я ее не заказывал...

– Вот и попробуй мне это доказать.

– Зачем доказывать то, чего не было?

– А затем, что, если ты не убедишь меня, у тебя начнутся проблемы с законом... Может, мы ничего и не докажем, но твой арест очень сильно скажется на твоём бизнесе. Акции «Электроника» упадут, конкуренты начнут рейдерские захваты... Дальше перечислять?

– Чего вы хотите? – разозлился Никольский.

– Твой бизнес меня не интересует. Мне нужно только одно, найти убийцу твоей мачехи. И я его найду, хочешь ты этого или нет...

– Я здесь ни при чем!

– И я могу тебе верить? – с сомнением посмотрел на Глеба Артем.

– Да, можете...

– Тогда контрольный вопрос – спал ты со своей мачехой или нет?

– А я должен на него отвечать?

– Если хочешь, чтобы я тебе верил, то да.

– Да, я с ней спал.

– Ну что ж, я готов тебе верить, – сказал Артем с таким видом, как будто делал одолжение.

Но Никольский, казалось, его не услышал. Он вдруг весь ушел в себя, погрузился в похмельную глубину своих мыслей.

– Мне восемнадцать лет было, когда мы с ней познакомились... Она такая красивая была, а я... Потом я понял, что ей все равно, красавец я или нет. Ей деньги нужны были. Она знала, что я из богатой семьи. Только какие у меня деньги? Все у отца! А тут возможность с отцом познакомиться появилась... Нет, он не знал, что Маргарита была моей девушкой. Не знал, но я все равно его долго простить не мог...

– А потом отец умер, и Маргарита для тебя освободилась, да?

– Зачем вы так? – с укором посмотрел на Козырева Никольский.

– Но ведь твой отец умер, и Маргарита осталась вдовой. В чем я не прав?

– Не нужна она была мне. Такой ценой не нужна... Я вообще недолго страдал, когда она к отцу ушла. Просто обидно было... Но я смирился с этой обидой. Очень быстро смирился... А потом даже влюбился. В Киру. С ней я понял, что такое любовь...

– В Киру влюбился? Это она брошь у твоего отца украла?

– Ну да... Я не понимал, зачем она это сделала? Мне потом следователь объяснил, что с женщинами такое иногда случается. Они на блестящее, как сороки, реагируют, увидела – схватила. Далеко не всегда такое случается, но бывает... Ну, взяла и взяла. Хуже всего, что из-за этой броши отец умер...

– Так сильно расстроился?

– Да, очень сильно. К тому же у него уже был инсульт.

– Насколько я знаю, твоя мама умерла.

– Да, пять лет назад. А это имеет отношение к делу? – нахмурился Глеб.

– Да нет... Но пять лет назад... Маргарита тогда уже была с твоим отцом?

– Да, была. На что вы намекаете? – разволновался парень.

– Я намекаю? Да нет, просто мысли вслух... Может, ты что-то подозреваешь? Мне почему-то кажется, что подозреваешь, – пристально посмотрел на него Артем.

– Кого подозреваю? В чем?

- Ну, а вдруг твоя мама не просто так умерла?..
 - Моя мама умерла от тромбоза. Тромб у нее оторвался...
 - Просто так взял и оторвался?
 - Нет, у нее сахарный диабет был, а сахарный диабет вызывает тромбоз. Это была смерть по естественным причинам.
 - И Маргарита здесь ни при чем?
 - Нет, Маргарита здесь ни при чем.
 - Но подозрения были?
 - Ну, не то чтобы подозрения...
 - Не подозрения, а предположения, что Маргарита может идти по трупам, так? Сколько лет было твоему отцу?
 - Пятьдесят два года.
 - Рановато для инсульта.
 - Ну, у него предрасположенность была.
 - Да? И к врачам он со своей предрасположенностью не обращался?
 - Он был очень занятой человек. Я даже больше скажу, он был одержим своей работой...
- Не до врачей ему было, честно говоря...
- Честно говоря? Это ты кому так говоришь, мне или себе? Лично мне кажется, что ты себя уговариваешь, а не меня. Признайся, что были у тебя подозрения насчет Маргариты. Может, и мать не просто так умерла? Может, и отец не просто так умер?
 - Я не хочу об этом говорить! – взвился Никольский.
 - Не хочешь, и не надо, – с иронией знатока посмотрел на него Артем.
- Существуют яды, способствующие образованию тромбов, которые затем отрываются и останавливают сердце. И лекарства есть, которые со временем приводят к кровоизлиянию в мозг. Сначала Маргарите больше нравился отец, чем сын, поэтому она и расчистила дорогу к своему браку с Никольским-старшим. Но затем старый муж надоел, захотелось кого-нибудь помоложе, и вдруг случилась вторая смерть. Этого, который помоложе, Маргарита затащила в постель, и чтобы затащить Глеба еще и в загс, она устранила свою соперницу, подставила ее и отправила в тюрьму... Не важно, так все это было на самом деле или нет. Куда важнее, что так мог думать Никольский-младший. Слишком все гладко у Маргариты складывалось, чтобы не заподозрить подвох. Сначала мать умирает, затем отец, и еще невеста отправляется на нары... Снизло на парня озарение, вот и родилась мысль отомстить негодяйке. А там и возможность появилась...
- Я так понимаю, что ты не очень переживаешь из-за смерти своей мачехи? – выдержав паузу, спросил Козырев.
 - Почему не переживаю? Вы же видите, с бодуна я...
 - С горя напился?
 - С горя!
 - Может, ты на Маргарите жениться собирался?
 - А это не ваше дело!
 - Значит, не собирался... Значит, она была тебе не нужна...
 - На что вы намекаете?
 - Ну, самым лучшим способом объединить капиталы был брак с Маргаритой. Но если у тебя к ней были серьезные претензии, если ты не мог на ней жениться, то нашелся и другой выход. Вчера она через этот выход и вышла...
 - Мне совсем не нравятся ваши намеки! – разволновался парень.
 - А мне совсем не нравится, что снайпер знал о повадках Маргариты Сергеевны. Знал, что после обеда она выходит на балкон покурить. И возле открытого окна курит... Снайпер не

оставил после себя следов. А знаешь, почему? Потому что он ждал недолго. Пришел в назначенное время, побыл чуть-чуть на крыше и выстрелил. Удачно выстрелил...

– Не заказывал я Маргариту! – в состоянии, близком к истерике, простонал Никольский. – Не мог я ее заказать! Я жениться на ней собирался!

– Что, любовь вернулась?

– И любовь... И дочь...

– Чья дочь?

– Моя дочь... Марина – моя дочь... Я сейчас!

Глеб вышел из комнаты. Артем должен был остаться с ним, поэтому последовал за подозреваемым. Мало ли, вдруг он за оружием отправился.

Но из сейфа в своем домашнем кабинете Никольский достал заключение генетической экспертизы, которое на девяносто восемь процентов устанавливало его отцовство по отношению к Никольской Марине Евгеньевне.

– Я-то думал, что она моя сестра, а она была моей дочерью...

– И это можно логически объяснить?

– Ну, конечно! У нас был с Маргаритой секс до того, как она ушла к отцу. Она от меня залетела, а мы с отцом одна кровь, поэтому Марина похожа на него. Поймите, это был самый идеальный вариант – я женюсь на Маргарите и удочеряю свою собственную дочь! Не мог я заказать Маргариту! Не мог!

– А вдруг это она довела твоего отца до могилы? – не сдавался Козырев.

– Мне кажется, вы переходите все границы!

– Так работа у меня такая... Отца твоего до могилы довела, а Киру твою – до тюрьмы...

– Вот только Киру мою трогать не надо! – рассерженно махнул рукой Никольский.

– Твою Киру?

– Ну, уже не мою...

– Так я ее и не трогаю. И делом ее не занимаюсь. Но справки кое-какие навел. Странное там, говорят, дело. Не было на брошке отпечатков пальцев...

– Вы и это знаете? – смутился Глеб.

– Говорю же, работа у меня такая, зацепился за ниточку, и мотаешь, мотаешь... Не было, говорю, отпечатков пальцев. Получается, Кира Родичева украла брошь, тщательно ее протерла и положила в ящик своего рабочего стола. Если она такая предусмотрительная, то зачем, спрашивается, спрятала улику в своем кабинете? А затем, что не прятала она ничего. Подставили ее. И сделать это мог человек, который имел доступ к офису «Электроника»... Может, ты это и сделал?

– Я?! – Никольский в недоумении вскинул брови. – Зачем это мне? Я любил Киру...

– Любил. А потом перелюбил. А потом снова полюбил, когда она села. Потому и не смог простить Маргариту. Если, конечно, вы вместе с ней подставляли Родичеву...

– Я сейчас принесу градусник, вам нужно измерить температуру. У вас горячая лихорадка, вы несете какой-то бред!

– Ты знаешь, из чего возник наш мир? – ничуть не смутился Артем. – Наш мир возник из хаоса. А истина иногда возникает из бреда...

– Я требую, чтобы вы обращались ко мне вежливо. И на «вы»! – взбунтовался Никольский. – Или я попрошу вас удалиться!

– Да, но мне бы хотелось узнать причину, которая могла вас сподвигнуть на убийство Маргариты Сергеевны.

– Не было такой причины! И не заказывал я ее!

Артем внимательно посмотрел на Глеба. Похоже, парень дошел до кондиции – не стоило перегибать с ним палку.

– Ну, хорошо, я вам поверю. А кто мог ее заказать? Вы же должны понимать, что это заказное убийство? Кому выгодна смерть Маргариты Никольской?

– Ее смерть никому не выгодна. Кроме меня... Мне смерть Маргариты действительно выгодна. Она составила завещание на свою дочь. А ее дочь – моя дочь. Поэтому вторая часть отцовского наследства возвратится ко мне. Но я не заказывал Маргариту! – Глеб в отчаянии стал заламывать себе руки. Так обычно поступают нервные женщины в приступе отчаяния.

– Тогда почему ее убили?

– Не знаю... Я не могу этого знать...

– Может, у Маргариты были враги?

– Ну, не знаю...

– Кира, например.

– Кира?

– Она же не глупая девушка, должна была понимать, что ее подставили...

– Ну, она говорила, что ее подставили, – пожал плечами Глеб, – но я ей не поверил.

– Дело не в том, поверили вы ей или нет, а в том, что она знала, кого винить в своих бедах. Насколько я знаю, она провела в следственном изоляторе полгода...

– Да, полгода. И еще три года ей присудили. Но условно. У нас было свидание, она сказала, что не крада брошь... – Никольский страдальчески сощурился, и, чтобы Артем не видел этого, ладошкой прикрыл глаза. – Я ей не поверил, а она сказала, что ей не надо верить. Сказала, что готова понести наказание. Наказание за то, что связалась со мной, за то, что поверила в сказку...

– Это преступление?

– Я так не говорил. Она так сказала. Я, говорит, готова понести наказание, но десять лет – это много... Я настоял на переоценке украденных ценностей, брошь оценили в четыреста минимальных размеров оплаты труда, а это всего до трех лет. Кира эти три года и получила. Условно. Три года условно и штраф... Штраф я за нее выплатил, хотя она и не просила.

– А о чем она просила?

– Ни о чем. Я приезжал к ней домой, хотел поговорить, так она мне нос разбила. Удар у нее очень сильный. Вроде бы хрупкая на вид, а сильная... Она с детства биатлоном занималась, сами понимаете, какая там сила нужна...

– Чем занималась?

– Биатлоном.

– Тпрр! – Артем вслух притормозил кобылу, которая тянула воз расследования.

Снайперский выстрел, тридцать восьмой размер обуви... А биатлон – это и есть снайперская стрельба из винтовки. Еще у Киры маленькая ножка... И стоило огород вокруг Маргариты городить, надо было сразу про Киру спросить, узнать, каким спортом она занималась...

Глава 7

Два времени – две девушки. На фотографии с Никольским Родичева улыбалась; веселый у нее взгляд тогда был, беззаботный, и сама она светилась – как изнутри, так и снаружи. Яркая у нее красота была, милая при этом и нежная. Но это было до тюрьмы, в прошлом. А в настоящем Родичева была совсем другой. Красота осталась, но уже не такая яркая, и нежность куда-то делась – видно, в тюрьме осталась. Зато озлобленность в глазах, циничная усмешка.

– Честное слово, мне жаль, что Марго убили... Я сама собиралась эту тварь пристрелить!

Она смотрела в глаза Козыреву без вызова, но прямо, смело. И в своих чувствах к покойной признаться не боялась.

– Так, может, ты это и сделала?

– Да, пистолет у меня под подушкой, можете забрать...

К ней домой Артем пришел с постановлением на обыск. И старшего лейтенанта Карпова в помощь прихватил. Виталик не сводил глаз с Родичевой, поэтому пришлось увести ее на кухню, чтобы не смущать. Впрочем, она и не думала смущаться. Не кисейная она барышня, чтобы краснеть под мужскими взглядами. Далеко не кисейная...

Лицо у нее широковатое, коротковатое, нос длинноват, надбровья низкие, но при всех этих кажущихся недостатках она все равно выглядела красивой и чертовски сексуальной. В густых светло-русых волосах, казалось, таилась магия женского очарования, а в чертах лица – чувственная энергетика зрелой красоты. Фигурка у Киры отменная – сама невысокая, а ноги длинные. И грудь высокая, и задние выпуклости волнуют мужское воображение. Обычные джинсы на ней, домашний свитерок, но в этом незатейливом наряде она выглядела очень соблазнительно. Артему приходилось делать над собой усилие, чтобы не засматриваться на нее.

– Почему пистолет?

– Ну, вы же сами сказали, что в нее стреляли...

Родичева смахнула с подоконника пачку «Парламента», тонкими красивыми пальцами выудила из нее сигарету. Артем не удержался, вытащил из кармана зажигалку, высек огонек.

– Спасибо.

– Так почему все-таки пистолет?

– Ну, не знаю... Что первое на ум пришло, то и сказала...

– Маргариту Никольскую застрелили из снайперской винтовки.

– Значит, меня по всем статьям опередили...

– По каким статьям?

– Ну, я тоже хотела ее из винтовки... Даже место подыскала...

– Место подыскала?

Артему казалось, что он держал козырь в рукаве, но сейчас вдруг он его лишится.

– Да там дом неподалеку строится, отличное место для стрельбы. Я ездила посмотреть...

– Когда?

– Ну, точно не помню, с месяц назад... Поднялась на крышу, навела бинокль на никольский дом, а там и эта сука появилась. Я в нее и выстрелила. Типа, пиф-паф... Значит, моя воздушная пуля все-таки долетела? – в едкой усмешке скривила губы Кира.

– Значит, ты не отрицаешь, что четырнадцатого ноября две тысячи одиннадцатого года была на чердаке строящегося дома в садовом товариществе «Геодезист»?

– Четырнадцатого ноября? Да, наверное... Где-то в этих числах и была...

– И тебя это не смущает? – Артем с удивлением смотрел на девушку.

Она вела себя так, будто речь шла не об убийстве, а о какой-то невинной шалости, будто в Маргариту Никольскую снежком попали, а не пулей...

– А почему меня это должно смущать? Я же ничего не делала. А то, что была у меня мысль ее убить, так это не преступление...

– Это преступный умысел.

– Но ведь он не вылился в убийство.

– Как не вылился? Маргарита Никольская убита. И стреляли в нее как раз с чердака того дома, возле которого тебя видели четырнадцатого ноября...

Следствие не стояло на месте, оперативники нашли человека, который видел девушку, тайком покидающую недостроенный дом. Карпов показал ему фотографию Родичевой, и свидетель ее опознал, поэтому постановление на обыск Артем получил без всяких проволочек. Он ждал, что Кира будет все отрицать. Ждал, чтобы затем прихлопнуть козырем: «А что вы делали четырнадцатого ноября в дачном поселке «Геодезист»?» Но Родичева сама во всем созналась, и не вышло у него выложить свой козырь с оглушительным эффектом. Но тем не менее повод привлечь Киру к ответственности остался.

– Ну, была я там, и что? Неужели трудно понять, что мною двигало? – Кира смотрела на него как на неразумного. – Мне дали три года, а за что? Ни за что! А кто был в этом виноват? Никольская! Да, я хотела ее убить. Поэтому и пришла к ее дому. Место выбрала, дождалась, когда она на балкон выйдет, мысленно выстрелила и успокоилась... Перехотела убивать. Понимаете, пе-ре-хотела!

– Да, но ее же убили!

– Это не я.

– А кто?

– Без понятия... Вы зря стараетесь, у вас нет доказательств.

– Почему ты так в этом уверена?

– Потому что я не стреляла в Никольскую. Поэтому не могла оставить никаких улик.

– Да, но улики остались.

– Какие?

– Снайпер оставил отпечатки своих ног. Тридцать восьмой размер.

– Не угадали. У меня тридцать шестой.

– Да, но вы могли надеть ботинки тридцать восьмого размера. Я, например, со своим сорок третьим размером такие ботинки надеть не смогу, а вы сможете.

– И что?

– А то, что тридцать восьмой размер – это ваш размер. Это раз. Вас видели в поселке «Геодезист» – это два. В-третьих, вы мастер спорта международного класса по биатлону... И в-четвертых... Где вы, гражданка Родичева, находились в момент убийства гражданки Никольской?

– А когда ее убили?

Увы, но на эту нехитрую, в общем-то, уловку Кира не попала. Впрочем, это вовсе не исключало ее вину.

– Десятого декабря этого года.

– И все? А в какое время?

– В районе четырнадцати часов...

– В это время я находилась здесь, в этой квартире.

– С кем?

– Сама с собой.

– И кто может подтвердить, что вы здесь находились?

– Э-э, никто... – разволновалась вдруг девушка.

Казалось, до нее только сейчас дошел весь ужас происходящего. Алиби у нее не было, зато имелся мотив убить Никольскую. И косвенные улики против нее...

– Но я правда не убивала Маргариту.

– Хотелось бы в это верить, – развел руками Артем.

– Да, но вы не верите.

– Увы... Почему вы хотели убить Никольскую?

– Эта сука подставила меня. Она мне всю жизнь чуть не разрушила...

– Чуть?

– Ну, так особо страшного ничего не произошло. Я же на свободе... А то, что Глеб оказался козлом... Так это же хорошо, что я не вышла замуж за этого козла...

– У этого козла очень много капусты. Многие девушки готовы любить таких козлов.

Артем внимательно смотрел на Киру. Ему интересно было знать, хитрит она или нет. Сам он склонялся к первому, но вдруг Родичева сможет убедить его во втором?

– Ну, врать не буду, я очень обрадовалась, когда узнала, что у него полно этой самой капусты. Но ведь он тогда не был козлом... Нет, жаль, конечно, что я его потеряла, хотелось бы побыть женой миллионера. Поэтому и Маргариту возненавидела. Но ведь нужно уметь довольствоваться тем, что имеешь. А я имею много. Я имею пусть и условную, но свободу. Поверьте, для меня это очень много...

– Ну да, кто не был в тюрьме, тот не знает цену свободы.

– Вот именно.

– Да уж, свобода дороже миллионов. Но еще лучше и то и другое...

– То и другое бывает только в сказке. А я за свою сказку расплатилась сполна. Больше я туда не хочу... – с внутренним ожесточением проговорила Кира. – Да вы у Глеба спросите, он же ко мне приходил, прощения просил...

– Насчет прощения он не говорил, но вот нос ты ему разбила.

– Вот видите! Он же заново хотел все начать, а я его прогнала. Если бы мне были нужны его миллионы, я бы не стала его прогонять...

– Логично, – задумчиво повел бровью Артем.

Похоже, Кира близка была к тому, чтобы его переубедить. Но не переубедила. Она могла понимать, что Маргарита не даст им жизни с Глебом, поэтому и возникла идея избавиться от нее. А почва для этой идеи была самая что ни на есть благодатная. И мастерство снайпера никуда не делось...

– Глеб тебе ничего не говорил про свои с Маргаритой отношения?

– А какие у него с ней отношения? Она вдова его отца... А что, были какие-то другие? – разволновалась Родичева. Судя по ее поведению, она действительно не знала об интимной стороне этих отношений.

– Вот я и спрашиваю, ничего он вам про это не говорил?

– Нет, не говорил... Но вы-то что-то знаете! – Она требовательно смотрела на Козырева, даже привстала со своего места, требуя откровения.

– А что я знаю?..

– Они что, собирались пожениться?

– Это сказал вам Глеб?

– Нет, это сказали мне вы! Они что, трахались? – по-настоящему разозлилась Кира, и это не было игрой на публику.

– Ничего я тебе такого не говорил. Может, сама додумалась? Может, потому и нажала на крючок?

– На какой крючок?

– Ну, не на вязальный же. На спусковой крючок.

– Где бы я взяла такой крючок? Насколько я знаю, снайперские винтовки в магазине не продаются.

– В обычном не продаются, но при желании можно купить. При большом желании...

– Ничего я не покупала. Не было у меня винтовки.

– Вот это мы сейчас и посмотрим...

Найденная на месте преступления «драгунка» была хорошо смазана. Готовили ее к выстрелу. Возможно, в этой квартире и готовили. Если так, то где-то здесь находится ружейное масло, ершик, протирка или еще что-то в этом роде. А если вдруг найдутся патроны или хотя бы коробка от них...

Но, увы, ничего такого в доме не нашлось. И обуви тридцать восьмого размера с искомым протектором подошвы тоже здесь не было.

– Что, неудача? – язвительно, но вместе с тем расстроено спросила Кира.

– Ты же понимаешь, что это не снимает с тебя подозрений? – раздосадованно посмотрел на нее Козырев.

– Понимаю.

– Жаль, не хотелось бы возвращать тебя за решетку. Но это все-таки убийство, а улики против тебя достаточно серьезные.

– Какие улики?

– Тебя видели в «Геодезисте», возле дома, откуда стрелял снайпер.

– Суд пошлет вас далеко с такими доказательствами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.